В ту же реку. Начало пути

Автор:
Николай Дронт

В ту же реку. Начало пути

Николай Дронт

В ту же реку #2Современный фантастический боевик (АСТ)

«Начало пути» – вторая, но отнюдь не заключительная часть приключений смышленого и находчивого камчатского паренька Лехи Кострова.

Как вы помните, телом и сознанием Лехи завладел… он сам только на 50 лет старше. Постарался использовать по назначению весь полученный жизненный опыт и знания, всю информацию о событиях прошлого. И в результате у девятиклассника из далекого северного поселка есть все, о чем только можно мечтать. Арсенал прекрасного огнестрельного оружия – от винтовок до наганов. Арсенал роскошной фототехники – от «Лейки» до «Никона». Полный, идеально сработанный набор инструментов взломщика. Два автомобиля. Дом на южном курорте. Десятки тысяч советских рублей на счету, кое-что в бонах, куча золота в червонцах и ювелирке. Настоящий миллионер! Мало того, с ним советуются совсем нешуточные милицейские чины и водят дружбу уголовные короли, делятся знаниями старые тертые жулики и честные работяги.

Но парень взрослеет, а живые люди влюбляются, ссорятся подставляют и выручают друг друга. Все всамделишно, все достоверно, даже снег хрустит под ногами!

Николай Дронт

В ту же реку. Начало пути

Серия «Современный фантастический боевик»

Выпуск 170

Оформление обложки Бориса Аджиева

© Николай Дронт, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Конец осени

08.10.1972

Чай не пьём без сухарей,

Не едим без сдобного,

Кто сказал, что плохо мы живём?

Ничего подобного!

Застольную песню тянут от всей души и, главное, громко. Опять забыли, что я сплю, и разбудили своим ором. Это Камчатка, я там жил с родителями, пока не закончил школу. Стоп! Не понял! Опять?! Господь с ней, с Камчаткой! Какое вообще сейчас число? Уф… Отлегло… А я уж было испугался, что вновь

переместился в конец апреля. Но нет, сейчас 8 октября 1972 года. Сегодня вернулся из поездки на материк. Друзья семьи немного отметили мое прибытие, посмотрели привезенные подарки, рассказали поселковые новости и разошлись. Почти все… Самые стойкие еще отмечают… Изверги! Нормально поспать не дадут. Главное, самим же завтра на работу! Утром будут стенать и жаловаться на плохое самочувствие.

В голове теснятся воспоминания. На Камчатке я, Лёха Костров, жил с мамой и отчимом до окончания школы. В следующем месяце мне стукнет шестнадцать лет. Отчим, дядя Володя, – начальник геологической экспедиции, мама тоже работает в камералке. Сюда мы приехали из Москвы больше трех лет назад и года через полтора уедем обратно. После переезда я окончил институт, работал в НИИ, женился, завел сына. Потом загранкомандировки. За время моего отсутствия жена нашла себе партию получше. Развод, новый брак, дочка. В лихие девяностые чем только не занимался, лишь бы выжить и прокормить семью. В двухтысячных жизнь наладилась. Работал до пенсии. Потом остался один, никому особо не нужный и не интересный старик, без дел и без смысла в жизни. Друг предложил рискнуть, провести эксперимент, и я вернулся в детство.

Проснулся ночью 22 апреля 1972 года на Камчатке под ту же песню, что и сегодня, в дальнем посёлке, на тысячу с лишним километров севернее Питера, то есть Петропавловска-Камчатского. В тот год я учился в восьмом классе, даже был отличником. Правда, из-за порока сердца с первого класса освобожден от физкультуры, за что недоброжелатели прозвали Дистрофиком и Дохлым. Нормальные ребята звали Костёр и Вумный, а вскоре после возвращения из санатория появилось новое погоняло – Писарь. Один авторитет нарёк за умение работать ножом. Владению ножом, нунчаками и еще кое-каким навыкам самообороны научился в начале девяностых у тренера в подвальной секции. Чтобы избавиться от сколиоза, с седьмого класса занимаюсь йогой, а в институте увлёкся ушу и тренировался до последних дней. Ничего боевого, только оздоровительные и медитативные практики.

Что имею в плюсе? У меня хорошая память, неплохо лажу с людьми и могу быть убедительным в разговоре. По профессии я неплохой программист, хотя сейчас оно неактуально. Немного умею переплетать книги, натренировался на заброшенной библиотеке. Слесарь-инструментальщик разряда эдак третьего. За несколько месяцев дядя Витя меня неплохо обучил слесарке. Заодно он же преподал основы воровской профессии скокаря-медвежатника. Типа в жизни

всякое пригодится. Еще я фотограф уровня сельского дома быта. Самуил Яковлевич, поселковый фотомастер, натаскал. Не бесплатно, правда. Кроме русского владею корякским, идиш, английским, немецким, венгерским и китайским языками. Стреляю из малокалиберного ружья и пистолета на уверенный первый разряд. Имею довольно много денег и кое-какое оружие.

Недостатки тоже имеются в количестве… Самый серьезный – порок сердца, точнее два: незаращение межпредсердной перегородки и недостаточность митрального клапана. Из-за них меня даже в армию не взяли. Хотя сейчас сердце почти не беспокоит, а в тридцать вовсе перестал про него вспоминать. Может, заматерел, а может, потому, что не пью и не курю, причём совсем. За всю прошлую жизнь выпил пару бутылок шампанского, половину стакана пива, и лет в четырнадцать мама налила мне в пробку коньяку попробовать. Не понравилось, кстати. Пахнет ничего, а на вкус едкая маслянистая гадость. И по мозгам бьет. Курить даже не пробовал, и к запаху табака безразличен. Говорят, его не переносят те, кто курил, но завязал с никотином. Сколько дел можно было бы решить в курилке или распив бутылочку в тёплой компании!

С музыкальным слухом не очень. В аттестате за пение стоит вежливый зачёт, он скрывает честный трояк. Хотя отчим научил играть на гитаре. Могу изобразить не только блатняк, но и попсу, и туристские песни. В кураже да под настроение даже цыганочку с выходом получится забацать, не говоря уже про романсы. Помню тексты многих модных шлягеров, но песнями из будущего светить не собираюсь. Оно мне надо? На эстраду не лезу, становиться поэтом-песенником тоже не желаю, а давать лишний повод для размышлений просто глупо.

С концентрацией беда. Не плохо, скорее наоборот, опять же медитация помогает. Но как задумаюсь, не обращаю внимания на внешний мир, меня можно просить о чём-то, говорить со мной, а я ничего толком не помню. Бывает, задумавшись, иду – и на окружающих ноль внимания. Так раз несколько чуть не попал под машину, а однажды в Венгрии – даже под поезд.

Как вернулся в прошлое, сразу стал думать, как что-то поменять в будущем страны. Однако очень не уверен, что пацан из глубинки сможет сделать что-то серьезное. Я не историк, не обладаю абсолютной памятью. Всё, что помню, прочувствовал на своей шкуре или вычитал в интернете. Знаю, и то смутно, про пару-тройку предателей тех лет. Вот, например… Белянский? Беленко? Белянчиков? В 1976-м улетел к японцам. Хотя ходили слухи, что это

спецоперация, которую курировал прилетевший в тот момент на Дальний Восток лично маршал Савицкий. А что? Вполне могло быть. Сдали систему «свой – чужой», которую всё равно собирались заменить, а под шум скандала выбили из правительства деньги на модернизацию авионики.

Помню, кто-то в КГБ фотографировал архив и потом… вроде кому-то пытался его продать… кажется… О! Писатель Суворов! Резидент нашей разведки. В 1978 году сбежал в Англию. А настоящая его фамилия… не помню… Начинается на букву «Р». Ревун, а может, Резус… Или вот еще человек…

Ну почему я больше программизмом, ушу и кладами интересовался? Да и в международных делах не очень ориентируюсь. Зато наизусть помню, как снять деньги со счета крупного мафиозного семейства. Правда, до 1982 года и обязательно с удалённого терминала. В книжке в свое время вычитал и номер счёта, и пароль. Тогда секретность передачи данных была в зачаточном состоянии, про хакерство широкие массы даже не слышали. А автор на конкретном примере рассказывал, как выкачали деньги. Кстати, там и другие примеры взломов были описаны. Очень нехило можно было бы навариться. Правда, остаток жизни придется скрываться от мафии.

Не! В теории можно застрелить виновников развала СССР. Горбачёв сейчас в Ставропольском крае, Ельцин в Свердловске, оба мелкие фигуры. Это Шеварднадзе не достать, он первый секретарь компартии Грузии, у него охрана. Наверное. Я ничего про устройство терактов не знаю даже теоретически, однако уверен в профессионализме КГБ. Книжки про альтернативную историю читал, но там народ больше Сталину / Брежневу / высокому чину советы дает. Указаний типа «в 14 часов 13 минут 26 августа кинь гранату в третье окно справа второго этажа дома по адресу такому-то, и наступит в СССР полное счастье» не видел. Хотя, может, был список таких ситуаций в каком-нибудь «Наставлении для попаданца-террориста»? Правда, бродит у меня в голове идейка – подсунуть паре сволочей золотишко и стукнуть в парт-контроль. Сесть гады не сядут, но осадочек останется.

Однако не верю, что, убрав пару-тройку одиозных личностей, можно спасти СССР. Народ наелся пустых обещаний от бормотологов и захотел назад в Советский Союз только после полного ограбления населения дерьмократами и разгула лихих девяностых. До того народ искренне верил в адекватность перемен.

Ладно, хватит. Для себя решил – сделаю что смогу. Только надо самому очень сильно постараться хоть чего-то достичь, чтобы хоть что-то смочь. Ведь когда вернулся, кроме знаний, ничего не было, а за полгода кое-чего достиг. С деньгами у меня стало очень прилично. Оружие кое-какое имеется. Связи на уровне района завелись. Награждён медалью. Оно, конечно, полезно и приятно, но столько внимания к себе привлёк, мама не горюй. Даже КГБ зачем-то мною интересуется. А вот надежных друзей-соратников нет, причем совсем.

Ночь берет свое. Глаза сами закрываются. Мысли двигаются всё тише и тише. В полусне мелькают события последних месяцев.

В новой жизни сохранил знания из прошлого будущего. Кроме событий новейшей истории помню несколько схронов в посёлке, несколько кладов в Москве и кое-какие случаи из поселковой жизни. На следующий же день после возврата в юность, вспомнив былое, спас почти замёрзшего Петра Петровича Пантелеева. Тот оказался авторитетным старателем, по прозвищу Чалдон, и в благодарность обеспечил мне хороший старт в новой жизни. На следующий же день я получил в подарок больше тысячи рублей, нереально огромные деньги для подростка в то время. Кроме того, меня взяли в потребкооператив на работу художником, практически синекуру, выписали промысловый охотничий билет, снарядили для охоты и стрелковых соревнований. Словом, наградили по полной программе.

Правда, пришлось спрятать вещи дяди Пети. Записную книжку, наган и чекушку с золотым шлихом. Чуть позже к ним добавились два ружья и охотничье снаряжение. Чалдон в областную больницу лег, с почками у него плохо стало. Попросил сохранить, а если помрет, взять себе на память. Я согласился, конечно. Таким людям не отказывают.

На Первомай проверил другое воспоминание. Годом ранее убили пограничников, их автоматы использовали летом при ограблении сберкассы. Потом прошёл слух про тайник, где хранили оружие. Тогда мы с друзьями лазили его смотреть. Правда, уже пустой. Когда в новой жизни открыл захоронку, автоматы еще лежали там. Себе их брать не стал, рассказал о тайнике пограничникам. Убийц схватили, а я стал лучшим другом офицеров всего погранотряда. В сентябре даже наградили медалью «За отличие в охране государственной границы СССР».

Стрелять из малокалиберной винтовки начал еще в седьмом классе. Задатки были, в начале 1972 года занял первое место по школе и прошел на районные соревнования. Там, правда, не блистал, но в новой жизни, с подаренной, не побитой многими поколениями стрелков винтовкой, уверенно взял первое место среди школьников. Районная администрация высоко оценила результат и быстро приспособила меня к делу. В качестве награды за победу мне вручили спортивный пистолет Марголина и охотничий карабин КО СКС, в девичестве боевой самозарядный карабин Симонова, доработанный почти до идеала. Марголин планировался для областных соревнований, а вот карабин был необходим для престижных окружных пострелушек среди охотников-промысловиков. Оленеводческий совхоз вместе с охотхозяйствами оплачивал призы и прочие расходы. Районные начальники друг перед другом надували щёки и мерились крутизной стрелков. Наш район давно не побеждал. Вот мне и устроили двухнедельную тренировку на стрельбище при погранзаставе под руководством тренера-пограничника. Сказали: «Не подведи!» – и отправили на соревнования. Я не подвел, занял два первых места и дал повод наградить ценными подарками. Правда, за счет Петра Петровича. Мотоцикл «Ява-350», автомобиль ГАЗ-69 и фотоаппарат «Пентакон».

Еще с того мне выпала путевка в южный санаторий. Но по пути я должен был передать знакомому Чалдона посылку и оформить на себя домик в Туапсе. Домик… оформить на себя… в неполные шестнадцать лет… Вполне возможно. Мне дали полный комплект документов на восемнадцатилетнего коряка. Милютов Кайнын Выкванович, так зовут мое второе я. И из пистолета, оказалось, тоже учили стрелять не просто так. Для обороны груза был выдан малокалиберный «Вальтер ППК», оформленный как спортивный пистолет.

С приключениями доехал до Москвы, где на вокзале меня должны были встретить и забрать чемоданы. Однако не встретили и не забрали. Хорошо, я москвич, отвез груз домой. Зато в Туапсе у санатория меня ждал знакомец. Сказал, что ничего не случилось, однако спрашивал, не передавал ли я кому чего. Ничего не ответила золотая рыбка, я то есть, и ушёл человек несолоно хлебавши.

Как велено, на себя оформил дом. Тут другой знакомый появился, про первого спрашивал. Тут-то мне и сообщили про Чалдона. Помер старик, а его охотничье снаряжение мне в наследство осталось. А когда домой вернулся, в прикладе ружья завещание нашёл. Заодно и место, где наследство спрятано. Отрыл его, конечно. Не бросать же. Когда в Питер доехал, дал денег на хороший памятник

и поминальные молитвы.

Потом случилась двухнедельная поездка на ВДНХ. Заодно по просьбе знакомого побывал в Калинине. Тоже не без приключений, но всё хорошо, что хорошо кончается. Вернулся, и просьбу выполнил, и, что просили, привёз.

А вот в Питере Чалдон подошел. Плохо выглядит дядя Петя, однако живой и на меня не обиженный. Клад себе разрешил оставить. Только чемоданы велел вернуть, да я и не претендовал на их содержимое, даже не знаю, что там лежит.

Завтра в школу. С Котёнком надо расставаться, пока отношения не слишком серьёзные. Уж больно она замуж за меня хочет выйти. Ирка тоже непонятно себя ведет, вроде расстались, а она продолжает временами глазки строить. Соне письмо написал, та не ответила, только через маму привет передала. Эх, трудно быть подростком! Хотя значительно лучше, чем стариком…

09–11.10.1972

Утром в школу. Мне нагонять придется, я, считай, три недели гулеванил. Идем вместе с Котенком. Нам с ней вчера толком поболтать не удалось, взрослые мешали, обещала сегодня зайти. Жует подаренную жвачку и несет косметику в портфеле. Понятно, похвалиться подружкам хочется, все девчонки любят краситься, а уж импортный набор точно обсудить должны. Катьку одноклассницы сразу окружили, шушукаются. На меня посматривают. Хихикают. Одно слово, девчонки.

Ребята, как всегда, стоят перед школой на месте обычного сборища. Лётчику отдал блок жвачки. Мой адъютант как-никак, ему подарок положен. Пусть своих друзей угостит. Попик и Семя тоже жвачку получили. До конца восьмидесятых она, как и джинсы, крайний дефицит.

Еще кинул Пушкину на общак блок «Кента» и упаковку пива в жестянках. Пацаны в полном восторге. Пробовать сигареты и пиво из банок они решили вечером, чтобы с удовольствием, а не наспех. Им тоже пришлось объяснить, как такие банки открываются.

Отозвал Василия в сторонку, интересуюсь:

– Генку в Питере приняли, ты в курсе?

– Слышал. А тебе чего?

– Жалко пацана. Чуток подогреть хочу.

– Ну, для такого дела дорогу сделаем. Батю попрошу, но понимаешь…

– Понимаю, – достаю сверток. – Тут штукарик. Две с половиной сотни за доставку до кичи. Треть от остатка возьмут за доставку до хаты. Значит, пять сотен отдадут Генке в руки. Половину полученного он на общак зашлет, две с половиной сотни ему на прожитие останутся.

Василий не ожидал такой суммы. Сразу стал серьезным.

– Писарь, ты козырный пацан, расклады знаешь. Тебе уважуха, до кичи бесплатно дорогу построим, можешь дорогу не считать.

– А что, за колючкой бабки лишними будут?

– Лишними точно не будут, – хмыкнул Пушкин.

– Тогда еще конфеток чуток пусть передадут. Я тут принес.

Достаю из кармана кулек простых весовых карамелек. Пацаны из Васькиного окружения, понятно, разговор слушают, смотрят круглыми глазами. Офигевают от сопричастности. Воровские романтики… слов приличных нет. Могли бы сами грев подогнать, Генка с ними тёрся. Беру конфету и складнем режу по рисунку напополам. Из середины изымаю варенье. Вкладываю полоску кальки с малявой: «Гена! С пожеланиями добра и здоровья шлёт тебе весточку Писарь. По возможности тебе и твоим друзьям, достойным арестантам, посылаю чуток грева. От души желаю удачи, крепкого здоровья, хороших друзей и скорой свободы. Лёха Писарь».

Пока карамелькой занимался, пацаны письмо прочитали. Любопытные больно, но пусть, секретного ничего там не написано.

– Зачем Лёха некоторые слова подчеркнул? – шепчет кто-то.

– Людское подчеркивают раз, воровское два раза, мусорское и гадское двумя волнистыми. Принято так, – весомо объясняет Пушкин. – Писарь тему сечёт. Всё по-положенному делает.

На место начинки ложится свёрнутое в тугую трубочку письмо. Вторая половинка карамельки складывается с первой. Чуть потереть линию разреза, и конфету не отличить от других таких же.

Учителя на дом назадавали от души. Ведь каждый считает свой предмет если не самым главным, то уж необходимым для дальнейшей жизни точно. Даже корякский язык, на котором после школы я ни разу не говорил, и тот потребовал отдать ему должное. Мне придется написать сочинение на тему «Природа родного края». Между прочим, Камчатского, а не моего.

В конторе проставился блоком сигарет и бутылкой английского джина. Вещи дяди Вити не принёс, мы словечком перебросились и решили выждать пару дней.

Тетя Даша рассказала накопившиеся сплетни. Колька Ким молодец, понял, что его Светка залетела, и вчера ей подарок хороший сделал, косметику и золото подарил. Та просто разревелась от такого внимания. Она не знала, как мужу сказать, что не приходят, а он, умничка, сам догадался. Как был первым парнем у нас по посёлку, так и среди мужиков первым будет.

Пока меня не было, приехала Клара Абрамовна, мать Додика. Сама пошла на Тайвань, при всех сыну пощечин надавала, тот сразу шелковым стал. В районе долго по кабинетам ходила, хлопотала. Додика из Медвежки перевели в Каменку. Тоже не ближний свет, но хоть аэропорт и портопункт при рыбозаводе есть.

На мотоцикле с дядей Васей подъехал к почте. Последним теплоходом прислали потерянную летнюю посылку с сухофруктами. Оказывается, я забыл написать «АВИА», и её отправили обычной почтой. Все посланные на сей раз посылки тоже пришли, и мы, и друзья обеспечены сухофруктами до лета. Фотоаппарат «Лингоф» дошел. Ничего не разбилось, не зря на крышке написано

«экспедиционный».

Дома странно получилось. Зашла Котенок. Войдя в комнату, сразу бросилась на меня. Я был зацелован и обласкан. Тут мне снесло крышу. Прижал девчонку к себе и стал целовать её по-взрослому. Очнулся от дрожи напрягшейся Кати. Невзирая на свои прежние слова «на всё согласная», она испугалась, когда моя рука нашла её грудь. Нежность захлестнула меня. Котёнок еще маленькая девочка, не знающая всё и вся из интернета, как подростки в XXI веке. Отвлек внимание, успокоил. Мы просто болтали, пока родители ужинать не позвали. Больше такого не допущу, ограничусь поцелуями в щечку. И те надо прекращать, не успеешь увернуться, женят.

Во вторник вместо школы поехал в райцентр отчитаться в райкоме комсомола за поездку. Отчитался, заодно оставил пакет с парой заграничных бутылок и блоком сигарет «Кэмел». Не секретарю, конечно. Рядовым инструкторам. Сувенир, так сказать. Чтобы не очень завидовали. Когда в загранку ездил, тоже всегда оформляющим сувениры привозил. И здесь не отказались, взяли с удовольствием.

Потом Никита Захарович, председатель райисполкома и мой доброжелатель, завел к себе и сказал, что есть задание. Отвечаю словами песни:

– Если партия скажет – НАДО, комсомолец ответит – ЕСТЬ!

Чуток пошутить хотел. А он вполне серьёзно:

– Я и не ждал другого ответа. Ты ответственный человек и настоящий комсомолец.

Потом объяснил, в чем дело. В Палане на следующей неделе будут межрайонные соревнования. Планировался на них другой человек. Но получилось как всегда. За две недели его не смогли натаскать до хоть сколько-нибудь приемлемого уровня. Погранцы сказали – научим, но, если нет таланта, нужно брать практикой, ждите месяца два-три. Словом, посылают меня. Уровень ниже области, зато у окружных руководителей интерес выше. А я обязан, просто обязан взять первое место в своей категории. Оно надо не только чтобы вставить пистон другим районам. Внутри нашего руководства есть разные мнения об одних и тех же событиях. Выиграв, я помогу лично Никите

Захаровичу. Он не будет ничего обещать, но благодарность посулил существенную.

Ехать могу со своей винтовкой, а могу на время получить гэдээровскую. Про спортивные патроны тоже можно поговорить. Отказываюсь и от того, и от другого. Просто не успею привыкнуть к новой винтовке, да и к патронам тоже. Получил накачку, сделал вид, что проникся.

Вернувшись в посёлок, принёс посмотреть ящик с фотоаппаратом Самуилу Яковлевичу. Тот сразу спросил:

– Лёша, это то, что я думаю? Или ты решил довести меня до инфаркта?

– Самуил Яковлевич, я же не знаю, о чём вы думаете. Однако могу показать, что принёс.

Выдерживаю мхатовскую паузу и распахиваю крышку.

– Вей з мир! – восклицает восхищённый фотограф, редко употребляющий идиш. – Лёша, ты не играешь на этой музыке! Иди домой, не мешай мне впечатляться!

Назавтра в фотостудии меня встретил собранный и установленный на штативе «Лингоф». На стенах четыре снимка размером пятьдесят на шестьдесят сантиметров. Сюжет один – натюрморт, но снятый разными объективами. Я вообще первый раз в двух жизнях вижу снимки такого размера не на выставке. На переднем плане кусок чёрного хлеба, рядом наполовину налитый гранёный стакан, на дальнем плане графин и половина буханки. Качество изумительное, просматривается каждая крошка, каждый блик на стекле. Выслушав самые превосходные степени восхищения, начальник веско промолвил:

– Лёша, не морочь себе то место, где спина заканчивает своё благородное название. Так ты не сможешь еще долго, и то если будешь работать такую работу. Слушай сюда. Один довольно-таки нестарый фотограф уезжает. Ты умный мальчик и понимаешь куда. У него есть пара копеек, и он хочет на них что-то купить для туда. Золото или валюта – риск на таможне. Чем больше с собой, тем меньше шанс уехать красиво. Но никто не сможет сказать против старого фотоаппарата. А там им можно сразу зарабатывать, если знать, как.

Подумай, Лёша, за деньги или на что поменять. Мне всё равно, что ты скажешь, лишь бы да.

– Самуил Яковлевич, честно говоря, я не рассчитывал продавать. Да и не знаю, на что менять.

– Когда не знаешь, чего хочешь, проси денег. Не знаю, сколько ты платил, я договорюсь на двести пятьдесят бон.

Ого! Минимум шестьсот рублей прибыли.

– Вы просто не оставляете мне шансов отказаться. Но у меня тоже есть просьба. Совершенно случайно я имею сто пятьдесят шесть тысяч йен. Если ваш прежний знакомый еще ходит за границу, а вам понравился прошлый раз, то мне бы пригодились триста бон. Это интересно?

– Алёша, – ответил начальник, – я тебе честно скажу, мне очень нравится с тобой работать. Ты тихонечко зарабатываешь себе маленькую копеечку и даёшь сделать крошечный гешефт другим людям.

Остаток йен переходит к Самуилу Яковлевичу, мне сразу отдаются боны, и мы, довольные друг другом, расстаёмся.

Кстати, с учёбой начальник не халтурит. В начале темы преподаёт теорию, потом принципы построения кадра, постановку света, работу со вспышкой, затем заставляет отрабатывать на практике. Плачу полтинник в месяц, и оно того стоит. Особенно с учетом экономии на материалах, их начальник за счёт кооператива даёт.

На всякий случай выпросил все четыре снимка. Нужно будет, начальник себе еще напечатает. А я хочу фотографии в Туапсе Рите послать. Немножко для создания образа, немножко для алиби. А честно говоря, просто выпендриться перед девчонкой. Её адрес не знаю, пошлю на имя Нины и попрошу при случае передать. Еле-еле удалось в лимит веса уложиться, тубус много весит. Кто снимал, скромно умалчиваю. Фотоаппарат «Лингоф» снимал! Вот!

В порыве чувств Самуил Яковлевич показал, как делать снимки натюрмортов и как печатать фотографии с большого формата через аппарат. Каждый снимок требует приличных затрат, зато качество с фоткой на паспорт даже сравнивать нельзя. Все следующие занятия решили посвятить этому вопросу, а заодно что-нибудь для нашей «Зари коммунизма» отснять.

Я в газете чуть не каждую неделю печатаюсь, причём под своей фамилией. Миша Зайцев перестал появляться после разговора с кагэбэшниками. События школы, посёлка, жанровые зарисовки. Последний раз была пара летних снимков. На первом мой приятель держит за жабры на поднятой вверх руке рыбину, причём её хвост стелется по земле. На втором чуть изменена перспектива и видно, что рыбина привязана под навесом, но размер чавычи действительно больше двух метров. Редактор даже снимки в журнал «Костёр» послал.

Снимаю «Пентаконом». Хотел было «Бронику» достать. Может, на материке, пока был в командировке, её починил? Однако по зрелом размышлении не стал. И так многие завидуют, а увидев новый заграничный фотоаппарат, начнут еще больше злобствовать. Оно мне надо? Обойдусь! К «Пентакону» уже привыкли и почти совсем не реагируют.

За едой узнал новость. У Зинки вчера ребёночек родился. Мальчик. Миха от радости сам напился и споил всех друзей, кроме Коляна. Тот, конечно, тоже выпил, но немного. Светка его быстро увела домой. Мишка первым делом, еще до отмечания, бросился к Якимычу просить квартиру где-нибудь в малосемейке. Сейчас парочка занимает комнату в семейном бараке. Глава поссовета почесал свою репу, подумал, прикинул и расщедрился на двухкомнатную в доме около книжного. Первый этаж, чтобы колясочку по лестнице не таскать. Дал ключ и велел заселяться. Даже две кровати и шкаф со склада разрешил взять.

После обеда принёс в контору вещи из Калинина. В мастерской дядя Витя небрежно отказался взять чемодан: «Сказал же, возьми себе!» Бидон, однако, принял и долго не мог выбить крышку. Не то она запаяна была, не то приржавела. Бидон из толстой жести, эмаль на нём кое-где отбилась, и ржавчина проела корпус. Пришлось вскрывать гусиной лапой, как консервную банку. «Как раз для тебя занятие, хоть потренируешься», – решил наставник.

После вскрытия содержимое высыпали на стол. Из сгнивших картонных коробок мы извлекли десятка три золотых колец, десятка два разнообразных серёжек, штук пять часов, но только одни наручные, три портсигара, пару горстей монет, несколько запонок и заколок для галстука, толстые цепи и броши. Видимо, из золота, и многое с камнями. «Видимо», потому что изделия грязные, должно быть, внутрь тары просочилась вода.

– Не моё это, – пояснил Калина. – Лежит еще с нэпа, а может, с Гражданской. В пятьдесят шестом на пересылке крутая свара случилась, последний всплеск сучьей войны. Мы с Червончиком от законников отбивались, потом вместе в больничке лежали. Перед смертью он мне про свою нычку и рассказал. Лёвчик старый был, но завязать у него никак не получалось. Я, когда освободился, в Одессу поехал, нашёл бидон. Даже открывать не стал. Думал, прогуляю, пусть лучше на старость останется. Заныкал в тайник и почти сразу сел. Вышел, а взять не могу. Теперь старость пришла, рыжьё вот лежит, ан поздно уже, не в радость оно мне.

– Может, деньгами поделиться?

– Хороший ты пацан, Лёха, но глупый. Деньги я всегда могу взять. В Питере сберкасс хватает. Подломить сила и сноровка еще остались. Вот только куражу нет. А без куража деньги не в радость. От газеты их не отличишь. Та же бумага, только деньга душу пачкает, а газета краской руки. Ладно, забыли. Долянку, так понимаю, Васёк не дал?

– Нет. Сказал – «сгорела, когда его на крест везли».

– Гульден и есть Гульден. За копейку удавится. Бог ему судья. Там и было немного. Спасибо, хоть лепиле заплатил, иначе сдох бы в зоне.

– Он мне свой перстень подарил.

– А ну покажь! Перстнем он, как орденом, за заслуги одаривает.

Показал, конечно. Заодно в подробностях рассказал, как дело вышло. Не верю, что старик по-настоящему стучит. Думаю, постукивает по мелочи, лишь бы отстали.

– Резкий ты пацанчик оказался. Честно скажу, не ожидал. Однако знакомством с Гульденом не свети. Он, как и я, из автоматчиков. – Дядя Витя ткнул в наколку ППШ, перевитого змеей. – Так зовут тех, кто войну прошел. Законники нас боятся и не любят. Тузу, например, знать о гастроли не стоит. К Гульдену с его перстнем всегда можешь прийти. Он тебе дело разом сыщет. А раз ты из козырей, давай поясок посмотрим. Не хотел бередить былые воспоминания, ну да ладно, пусть.

Решительно придвинул чемодан и занялся замками. Те тоже не открывались, и их пришлось ломать. Внутри был даже не пояс, а целый фартук с множеством кармашков, заполненных воровским инструментом.

– Для крупного дела готовил, – пояснил Калина. – Но не случилось, раньше сел. Лихое было время… Хорош поясок?

– Да уж! Впечатляет!

– Вот! Пусть у тебя для случая будет. Он лучше, чем у меня сейчас набрано. А рыжьё оставь, приведу в порядок, поделим.

В свете последних событий в камералке захоронки из квартиры я убрал. Из-за кражи самородка могли к отчиму с обыском прийти. У него ничего нет, зато у меня выше крыши. Сундучок с ювелир-кой Чалдона, его револьверы и ТТ, что Сверчок мне продал. Золото из контейнера. Скоро его заметёт, так просто не достанешь. А достанешь, следы не скроешь.

Ящики с запрещёнкой и жестяной кейс с кассой под пол запихнул. В коридоре у нас помпа, когда её делали, полы поднимали, люк устроили. Туда вещи и опустил, сдвинул в сторону, потом в землю чуток прикопал. Неглубоко, только чтобы не видно было. Кассу вообще еле присыпал. Вдруг деньги срочно нужны будут.

Места между землёй и полом мало. Сверху стекловата для утепления набита. Пришлось копать, чуть не на четвереньках.

13–31.10.1972

Пятница, тринадцатое в XXI веке считается несчастливым днём. Наверное, из-за фильма ужасов с таким названием. Не помню, чтобы до конца восьмидесятых в Союзе такое предубеждение было. Однако именно в пятницу, 13 октября, Лётчик, мой адъютант, порученец и приятель, вдруг подошёл и смущённо сказал:

– Лёха, ты не обижайся, но я больше не буду у тебя адъютантом. Меня ребята за то, что тебе помогаю, шестёркой дразнят.

Отец Ваньки вышел из запоя, сейчас тихий и полностью отдаёт получку жене. Моя помощь здесь уже не требуется, да и помощник мне никогда не был нужен. Однако обидно. Я помочь человеку пытался, Лётчика без всякой корысти поддерживал, а он за репутацию среди своих друзей боится.

– Ну, не хочешь и не надо. Коли так решил, вопроса нет. Насильно мил не будешь.

Ваня пытался извиниться, но я прекратил пустой разговор.

Помимо прочих профессий дядя Витя был часовщиком. Из привезённых часов выбрал одни и объяснил: «Это центровые бока с прицепом. Брегет. Рыжьё, музыка, две крышки, цепка с камешком на заколке. Себе оставь». Потом показал единственные наручные, тяжеленные, с браслетом: «Рыжие крабы. Мозер. Когда пацаном был, самыми козырными считались. Тоже оставь. Остальные на пропой». Затем показал, как снимать и чистить механизмы.

С часами провозились до конца октября. Не заработали лишь одни, ржавчина сильно разъела шестерёнки. Однако механика старенькой «Молнии» встала лучше родной. Остальные влагу не пропустили, но кое-где при вскрытии прохудились герметичные прокладки. Заодно научился их вырезать из пробки или тонкой резины. На наручных пришлось заменить потемневший от времени целлулоид на стекло. Новое, от «Победы», вклеили в старый ободок. Цена двенадцать рублей, и в часовой мастерской донора легко починить.

Другую ювелирку привели в порядок быстрее. Золото с помощью жидкости для чистки довели до блеска. Труднее было вымывать грязь из-под камней, но медицинский шприц и толстая игла справились.

К заколке для галстука легли запонки с зелёными камнями. «Изумруды. Крупные и чистые. Цвет густой, насыщенный. Они чуть не дороже всего бидона стоят, – пояснил знаток. – Кроме этого бриллианта, – показывается перстень. – Карат шесть-семь тянет. Храни до случая, за такие вещи полную цену никогда не дадут».

Затем дядя Витя показал класс. Взял тяжеленный, в меру побитый деревянный чемоданчик с инструментами скокаря. Вытащил содержимое и парой лёгких ударов выбил внутреннее дно. За исцарапанной и запачканной, тонкой, но прочной авиационной фанеркой открылось потайное отделение. «Заберёшь домой. Пусть до случая будет. Всё едино мне хранить нечего», – посетовал умелец и закрыл потайную крышку вновь. С тяжестью инструментов вес спрятанного в тайнике не определяется. Еще такой же чемодан с набором медвежатника и ящик с коллекцией замков Калина лично помог отнести ко мне домой. Там тоже были потайные отделения, и тоже пустые. Пока пустые. Кажется, я знаю, куда ТТ и наганы убирать.

– На материк возьми. Никто внимания не обратит, смотреть в лупу будут, не разглядят. Рыжьё, как в порядок приведём, туда же прибери.

– А ваша доля?

– Пусть пока лежит. Когда понадобится, заберу. Такая щедрость сильно напрягает. Калина отдал мне весь воровской инструмент и половину обычного. Скоро ему не с чем работать будет, в мастерской остались только казённые железки. Зачем? Может, хочет уйти на пенсию? По возрасту ему или уже пора, или скоро будет можно уходить.

В Палану на соревнования меня всё-таки направили. Первое место в своей категории еле-еле, но выбил. Еще и норму первого разряда вновь подтвердил. Но только по винтовке, по пистолетам на округе стрельб не проводили.

Из подарков в посёлок привез килограмма три швейцарского сыра. Понятно, в столице Корякского округа снабжение лучше, чем у нас.

Никита Захарович поблагодарил и вручил обещанный приз. Мне досталась металлическая укладка с «Фотоснайпером», камерой для фотоохоты. В

комплекте аппарат «Зенит-ЕС», а к нему кроме штатного «Гелиоса-44» – «Таир-3ФС» с фокусным расстоянием триста миллиметров. В наборе приклад, бленды и светофильтры. Между прочим, не дешёвка, 280 рублей стоит. Самуил Яковлевич и то одобрил, хоть он не любитель малого формата. Говорит, даже за границей таких камер почти не производят. Другое дело, зачем он нужен? Да и куда мне столько фотоаппаратов?

В заочную школу МГУ своевременно отправляю контрольные работы. Я же на прикладной математике учился, в дипломе специальность 0647, инженер-математик. Пусть многое забыл, но уж на задачи 9-го класса знаний хватает. Случайно увидел у Жанны знакомую методичку. Спросил, оказалось, она тоже там учится. Стали вместе контрольные делать, так оно значительно веселее.

Занимались по субботам после школы у неё дома. Девочка ко мне приходить стесняется, вдруг приятельницы не так поймут, сплетничать будут, а если делать контрольные при её родителях, никто ничего не подумает.

Задачи из заочной школы МГУ присылают интересные, но сложные. Даже мне с высшим образованием и профильной специальностью приходится сложновато, за столько лет слишком многое забылось. Один раз мы застряли с решением, и тут подошёл её папа… рабочий СМУ… он нам на пальцах, даже не напрягаясь, показал, как задачу решить. Я слегка обалдел, но Жанка объяснила, в чем дело. Оказывается, ее папа кандидат физматнаук.

Нормально так, да? Строителем он стал, когда с друзьями строил новосибирский Академгородок. Там и с женой познакомился. Вместе строили, вместе учились, вместе работали в одной лаборатории, даже защитились почти одновременно. И работали хорошо, и тема была перспективная. Завлаб докторскую защитил, и ему предложили с научной темой переехать в Москву. С людьми хуже получилось. Шеф взял только одного человека, остальных обещал вызвать позже.

Говорят, обещанного три года ждут… Люди бы подождали, но… Раз тему отдали, то и лабораторию закрыли, а узкому специалисту без квартиры пристроиться непросто. Затем бывший завлаб проявился. У него всё хорошо, в членкоры метит, вот только ставок для бывших сотрудников нет и не будет.

Подумали Жанкины родители, посчитали да и завербовались на Север, чтобы на кооператив заработать. Наукой даже не пахнет, но не они первые, не они последние. Будет квартира, можно будет нормальную работу найти. В Новосибе, Свердловске или еще где. Страна большая, что-нибудь где-нибудь обязательно найдётся.

На работе у меня дела хорошо идут. За прошедшие соревнования двести рублей премии выписали. Заодно познакомился с Ваграмом Ашотовичем Карапетяном, новым начальником райпотребкооператива. Нормальный мужик оказался. Честно сказал, что я ему в отчётах спортивную работу закрываю полностью, для соцсоревнования оно самое милое дело. Стенгазеты к праздникам выпускаю, свадьбы и красные даты в посёлке фотографирую, людей на документы тоже, часть плана дома быта закрываю, начальству нравится.

И за обучение фотографии не зря деньги плачу, сам вижу, как растёт квалификация. Печатаюсь в районной газете. Мне хорошо для портфолио, а руководство не забывает записать в отчёт о проделанной общественно-политической работе.

По ней тоже загружен прилично. От райкома комсомола в школе сделал доклад про поездку на ВДНХ. На выставке набор слайдов купил и книжечку к нему, ничего придумывать не надо, вызубри текст и начинай выступление. Народу понравилось, в районе пришлось повторить, потом в интернате для коряков. Обещали по нескольким посёлкам свозить от лекторской группы. На минуточку, кроме командировочных и гостиничных, по пять рублей за выступление платить обещали. Причём с сохранением заработной платы по месту работы.

Дядя Витя дрессирует на замках до спазмов в пальцах, а по основной работе хочет, чтобы сдал на 3-й разряд. Учит закаливать металл, затачивать железо и просто понимать, какой инструмент для чего нужен и как его использовать. Под его руководством сделал два ножа. Один из сломанного полотна ножовки, а второй из плоского напильника. Не булат, конечно, и не дамасская сталь, но исходные материалы легко достать, а лезвия получились прекрасные. Один недостаток – металл ржавеет, так за любой железякой ухаживать надо. Зато понимаю теперь и как отпустить сталь, и как закалить её.

В качестве экзамена на профпригодность сделал лапки – это такие клещи, скорее кусачки, для перекусывания дужек замков или металлических прутьев. Понятно, не с нуля делал, переделал из здоровенных пресс-клещей для обжимки

клемм электрокабеля. Первым шагом закалил и заточил режущие пластины, затем приторочил их вместо обжимки контактов. В конце, для проверки, перекусил решётку на окне. Экзамен был принят, но приваривать срезанное пришлось опять-таки мне. Нет в этой жизни справедливости! Меня еще и красить прутья в цвет слоновой кости заставили. Опять же, полученный инструмент пришлось припрятать от посторонних взглядов.

Один раз Калина таинственно подмигнул и пообещал показать химический процесс. Говорит, не особо сложный, но интересный. Достаёт полстакана чёрного песка. Я еще с прошлой жизни знаю такой от мамы. Тоже золотоносный шлих, но старатели его редко собирают. Золотинки там очень мелкие, механическим путем не достанешь, химию на природе не разведёшь, а тащить в переработку просто невыгодно. У Чалдона в бутылке были одни золотинки, здесь их совсем не видно.

Сухой, обязательно полностью просушенный песок тонким слоем рассыпан на плоской поверхности. На подносе, проще говоря. Шлих должен быть сухим, чтобы золотинки не липли к железу, а оставались на месте. Появляется электромагнит, сделанный из старого автомобильного стартёра. Можно и обыкновенный – помощней, но электрический удобнее. Включаем, водим над песком, над пакетом выключаем. Включаем, водим, выключаем. Нагрелся стартёр? Не страшно, ждем, пока остынет, потом продолжаем. И так раз несколько, пока песок не перестанет прилипать. Первый этап закончен. Железо убрано из песка.

Продолжаем разговор. Остаток отмагниченного песка ссыпаем в керамическую чашечку-тигель и ставим на прокаливание. В муфельную печь нельзя, там воздух сразу выгорает, а нам надо серу и прочие примеси кислородом выжечь. Ждём часа полтора, можно два. Занимаемся своими делами, но не забываем время от времени смесь помешивать. Отожгли? Пусть остывает до завтра.

На следующий день на объем пережжённого песка добавляем равный объем просеянного кварцевого и два объема обычной поваренной соли. Тщательно мешаем и в качестве начинки кладём в самолепный пирожок из глины. Его можно в горн, но лучше в муфельную печь. Три часа печём и… Опять ждём до завтра, пока остынет. После школы прихожу, лепешка вскрывается, а в ней блестки золота.

Затем дядя Витя стал учить извлекать золото вторым способом. Достал еще полстакана черного песка. Говорит, можно без магнита обойтись, но с ним проще. Отмагнитили песок, пересыпали в банку. Требуется азотная кислота. Можно и без нее, но с ней лучше. Разводим до десяти процентов. Химию помним? Наливаем кислоту в воду, а не наоборот. Техника безопасности – наше всё. Кислоту выливаем в банку с песком. Пока идет реакция, держим банку под вытяжкой. Реакция закончилась? Не верим, мешаем стеклянной трубочкой. И вновь ждем. Повторять, пока не поверим. Тогда кислоту удалить, а песок как следует промыть чистой водой.

На керамическом лоточке… Керамическом! Металл не используем! Резиновые перчаточки надевать не забываем. На лоточке тонким слоем рассыпаем обработанный кислотой песок, на него выливаем чуток ртути. Покатаем ее по песочку, покатаем… На капельки рассыпалась? Значит, золота много, а ртути маловато. Не жмемся, добавляем жидкого металла и собираем золотинки. Затем золотую амальгаму отделяем для дальнейшей работы. И навсегда запоминаем, что старателей вычисляют по покупке специфических химикалий.

Излишки ртути из амальгамы удаляем медицинским шприцем. Пригодится на следующий раз. Интересный вопрос – как теперь выделить золото? Есть два пути. Первый – половину амальгамы растворяем в азотной кислоте. Раствор не слабее шести к одному, и надо ждать, пока реакция не закончится полностью. Я не слишком часто напоминаю про вытяжку? Про перчатки и маску, думаю, и так все помнят. Как реакция закончилась, постучим спицей по крупным кусочкам, подождем еще. Если сомневаемся, можно кислоты добавить. В конце концов, сливаем кислоту в чистую банку и засовываем кусок алюминиевой фольги. Ртуть осядет на дно. Купить ее не так просто, пусть хоть часть на будущее применение останется. Кислоту сливаем в следующую банку, гасим питьевой содой и утилизируем. Ртуть промываем и собираем для следующих проектов. Золото к этому времени уже должно быть промыто.

Из второй половины амальгамы ртуть мы выпаривали. Всех сложностей – лишь постепенный нагрев рабочего объема в верхней части пламени горелки, чтобы брызги ртути не летели вокруг. Просто и надежно. Про вытяжку напоминать не буду? Отравление парами ртути не самое приятное дело. Не знаю, сам не пробовал, мы правила безопасности блюдём. При сильном желании сэкономить ртуть можно устроить что-то вроде самогонного аппарата и направлять пары в контейнер с водой.

Есть способ выделения золота из шлиха цианидами, но там уж больно ядовитые химикалии. Его в промышленности используют.

Много интересного я узнал в процессе химических опытов. Главное, как быстро отыскать химика, работающего на старателей. Смотри, где вытяжка есть и кто ртутью интересуется. Например, если бы не первый отдел, мама могла бы пару граммов в день получать. Но для старателей несколько граммов – капля в море. Им надо на пару-тройку порядков больше, зато только раз в год, осенью. Вытяжек в поселке не так много, а чтобы посторонние не шастали, так вовсе лишь мастерская в порту.

Последнюю химическую реакцию дядя Витя показал на толстом листе железа. Полстакана железной окалины, проще говоря, ржавчины, растираем в порошок и прокаливаем на сковороде. Из алюминиевой проволоки с помощью напильника получаем три четверти стакана опилок. Тщательно перемешиваем. Затем добавляем чуток лака для вязкости и забиваем в гильзу. Мы же охотники, приспособление для набивки патронов у нас имеется. В крайнем случае, оно в любом охотмаге продается, вместе с пустыми гильзами. Получили маленькую термитную шашку. Чтобы ее зажечь, сверху добавляем смесь от бенгальского огня и вновь прессуем. Теперь шашка готова. Горит, разбрызгивая искры, потому нужны брезентовые рукавицы, а лучше и фартук. Воняет как не знаю что. Зажигать неудобно. Держать приходится щипцами. Однако кованую дужку навесного замка пережгли спокойно. Вторая шашка оставила дырку в печной заслонке. Полезная штука, однако. И делается довольно просто.

01.11.1972

А с Котёнком в конце концов мы разбежались. После возвращения с ВДНХ, чего скрывать, разок по-взрослому целовались. Мать засекла, как мы обнимались, но при Кате ничего не сказала. Только потом устроила мне одному лекцию о вреде ранней беременности. Объяснил, что у нас ничего такого близко нет, но она, похоже, не поверила, начала у тети Тони выспрашивать.

Затем Катька не то советов матери наслушалась, не то подружки накрутили, только стала учить меня правильной жизни.

Началось с того, что в школе один охламон спросил про ювелирку с материка. Его отбрил, Катька стала интересоваться. Не сказал, конечно, а она обиделась.

Дальше – больше. В райцентр поехал вместе с Самуилом Яковлевичем и местным фотографом свадьбу снимать. Как обычно, ночная печать, матерные частушки и выход молодых с вручением альбомов. Денег получил, понятно, меньше, но достаточно. На троих же делили, не считая того, что отдали в дом быта. Тут Катька и говорит, мол, фотоаппарат-то твой, ты горбатишься, снимаешь, а тебе копейки платят. Купи себе увеличитель, бумагу и химию. Будешь снимать от себя, хорошие деньги заработаешь.

Во-первых, зачем она в мои дела лезет и мои деньги считает? Во-вторых, никто не знает, что я помимо зарплаты за каждую съемку неплохо получаю. К тому же от Самуила Яковлевича бескорыстия не ждут, он на должности и вместе с фотками выдает квитанцию дома быта. Берут ее или не берут и куда пошли потом деньги, никто не ведает, однако формальности соблюдены, и никаких претензий быть не может. А я, начав класть плату за съемку себе в карман, в глазах целого поселка сразу перепрыгну в разряд барыг. В-третьих, после первой, максимум второй, фотосессии ко мне придут строгие дяди из ОБХСС и скажут: «Нехорошо…» В СССР так зарабатывать нельзя, а доброжелатели верняк стукнут. Есть еще в-четвертых, в-пятых и просто человеческие отношения с тем, кто меня учит ремеслу фотографа.

Опять же девчонка постоянно зудела, почему я по субботам на танцы не хожу… Она меня научит танцевать. Пить плохо, напиваться нельзя, но мы с ней по глоточку красненького, из бутылок, что с юга привёз, могли бы иногда вдвоем употреблять. Одеваюсь я, оказывается, неправильно. Надо не черную рубашку носить, а как все – белую. После аванса вдруг спрашивает: «Ой, ты сегодня денежку у себя получил, да? А сколько? Ну скажи, мне просто интересно». И как ей объяснить, что на танцах мне жалко терять время? Что не хочу встревать в поселковые разборки среди пацанов… Что белая рубашка в нашей воде желтеет после нескольких стирок и мне жалко мать, отбеливающую ее… Что черная выглядит красиво, я один так по поселку хожу, и это мой стиль… Зачем объяснять сотый раз про то, что я сердечник и мне не нравятся последствия употребления алкоголя и табака? Секрет, кто сколько зарабатывает, любая бухгалтерия хранит свято. У меня родители о заработках не спрашивают. Почему я должен докладывать про свои денежные поступления любопытной болтливой девчонке?

Когда постарался мягко донести до Кати, что есть вопросы, которые ее не касаются, она устроила истерику, развернулась и ушла. В школе о разрыве сразу узнали. Котёнок подружкам рассказала про наш разговор с мельчайшими

подробностями. Ириска бросает ехидные взгляды, кое-кто посочувствует, кое-кто злорадствует. Как мне тишком стукнула Жанка, девчонки ждут, что я побегу мириться, и спорят, как именно буду просить прощения. Катька решила меня простить, но только со второго раза.

Мама вечерами непрерывно вздыхала: «Где же Катенька? Почему она к нам перестала заходить?» Дня два терпел, потом терпение лопнуло, и я серьезно поговорил с отчимом. Рассказал, в чем дело и почему так произошло. Дядя Володя с уважением посмотрел и пообещал, что мать прекратит стенания. Кстати, прекратила. Только напоследок прочла лекцию на тему «Любовь – не вздохи на скамейке» и «Мы в ответе за тех, кого приручаем». На прямой вопрос: «Я виноват в том, что не стал рассказывать все подробности о себе и своих делах?» – ответила: «Ну, ты же мужчина…» Логику не понял.

Разговоры

– Я тут узнала, что Лёша Костров москвич и собирается после школы возвращаться домой. Интересно, правда?

– Да, милая. Я тоже об этом думал. И, главное, он очень понимающий юноша.

– Пап, мам! Вы про что?

– Доченька, ты же собираешься поступать в институт. Почему не в Москве?

– Полностью согласен с мамой, столичное образование имеет много плюсов.

– Можно поступать и в Москве. Но при чём здесь Лёша?

– Он серьёзный мальчик, с ним можно договориться, чтобы ты осталась жить в столице.

– А мы с мамой потом к тебе переедем жить.

– Я ничего не поняла.

– Какая ты у нас еще маленькая! Если мальчик умный, ему можно кое-что предложить, чтобы всем стало хорошо.

– Мама говорит, что без прописки пристроиться в московский кооператив нельзя. Но если ты выйдешь замуж за москвича, то вам можно будет купить трехкомнатную квартиру.

– Мне же он совсем не нравится! Ну… Почти совсем… И замуж я не собираюсь. Вот еще! Жить непонятно с кем!

– Вместе жить не обязательно. От него нужна только прописка. Потом вы можете развестись. Он получит однокомнатную квартиру, ты двухкомнатную. Мы приедем к тебе жить и снова поменяем квартиру на трехкомнатную.

– У нас есть знакомый маклер с большими связями.

– Лёша никогда не согласится! И я тоже не хочу. Вы сами знаете почему.

– Я знаю, ты знаешь, папа знает, что у нас в семье есть кое-какие обстоятельства. А остальным про это знать и не стоит.

– Ты пойми, мальчику много не надо. Стрельни глазками, и он уже твой.

– У него уже есть подружка, просто они сейчас поругались.

– Вот видишь, как всё удачно складывается!

* * *

– Мне же Ирка сама так велела делать!

– А ты больше ее слушай. Ухи растопырь поширше, и пусть тебе на них кто хочет лапшу вешает. Ирка сама с ним погулять мечтает, а мать против. Вот и сидит, как злая собака на сене. Ни себе ни людям.

– Стерва! Значит, она специально? Да? Говорила: «Делай как скажу! Он с рук будет кушать!» И что теперь? Может, ему дать?

– Тогда совсем дурой будешь. Мужики ценят только то, чего сами добились. Взять он, может, и возьмёт, только потом к другой сбежит. От тебя всё получил, зачем ты ему нужна?

– Я маме его нравлюсь.

– Это пока. Потом, может, другая понравится.

– Так что делать-то?

– Поговори с ним. Слезу пусти, дави на жалость. Или наоборот, найди другого парня и заставь ревновать.

* * *

– Ты как думаешь, Лёшка к Катьке вернется?

– Не знаю… А тебе зачем? Сама с ним закрутить хочешь?

– Да нет. Не знаю… Можно было бы вообще…

– Катька тебя с потрохами сожрет.

– Не сожрет, подавится. Да и не нужен мне ее Лёшенька.

– На нее Игорек из ее класса поглядывает. Можно попробовать их свести.

– Ну, ты придумала… А давай сведем!

* * *

– Что она, сама должна с тобой заговорить? Подойди, пригласи в кино. А там… темнота – друг молодежи.

– Думаешь?

– Я с Ленкой так и задружился. Это она сказала, что ты Котёнку нравишься.

– А Писарь?

– Что Писарь? Сам виноват, раз его девчонка бросила.

– Ну не знаю… У меня рубль есть и мелочи копеек сорок. Хватит?

– В будний день на два раза! И оба с мороженым! Только билеты бери на последний ряд.

06–07.10.1972

С 6 ноября неделю не учимся, у нас каникулы. Как члена комитета комсомола и знатока иностранных языков меня еще в сентябре обязали приготовить номер на школьный концерт к 7 ноября. Будет комиссия из области, школе надо произвести хорошее впечатление. Желательно перевод чего-нибудь иностранного, очень желательно рассказ о тяжелой жизни рабочего класса за границей. В прошлой жизни мне тоже навесили задание приготовить номер, но обошлись без ограничений. Тогда читал Маяковского, затем с ним же попал на областную олимпиаду. Занял первое место и был удостоен предложения поступить в театральный институт в Хабаровске. Вне конкурса, на специальность «актёрское искусство». Однако не воспользовался возможностью. Во-первых, после десятого класса мы в Москву возвращались. Во-вторых, не верил, что стану известным артистом, и решил, что лучше быть средним инженером, чем средним актером. В новой жизни Маяковский уже не прокатит. Пришлось искать хороший перевод.

Долго думал, пока случайно не наткнулся на старую пластинку 1961 года. Фирма «Мелодия», ташкентский завод, «Вокруг света» (девятая серия). На в меру запиленном диске последней песней шла «Англия. Шестнадцать тонн (М. Тревис). Герберт Рид». Сразу вспомнил клип Курия на Ютубе, в свое время он

мне очень нравился. Восстановил слова, порепетировал. Со слухом у меня напряг, но тут почти речитатив, справлюсь. Школьному ансамблю показал пластинку, те согласились подыграть. И вот 6 ноября концерт школьной самодеятельности в клубе. Выхожу на сцену в том самом «не джинсовом» чёрном костюме из «Альбатроса». Клетчатая ковбойка под жилетом оттуда же. Ремень с пряжкой Коли Кима и моднючие лаковые полуботинки отчима. Только золотой фиксы не хватает, а то все девчонки были бы моими.

Завожу политически правильный рассказ, типа тридцатые годы, тяжелая жизнь шахтеров. Наличных денег не дают, товары под запись в магазине шахты, как у наших рабочих до Октябрьской революции. Дескать, в таких условиях родилась песня, ну и так далее, что положено. Народу не очень интересно, однако две минуты выдержали. Подражая Теннесси Форду, легендарному исполнителю этой песни, начинаю щелкать пальцами, отбивая ритм. Тихонечко вступает школьный ансамбль.

Они говорят: человек – это грязь.

Простой человек – это быдло и мразь.

Быдло и мразь, знай давай им пинка,

Жилистые руки, тупая башка…

Необычная подача, совсем необычные для советской сцены слова. Зритель начинает прислушиваться. Когда дошел до

Промозглым утром в дождь я родился тут,

«Нарвись на неприятность» – так меня зовут,

Меня воспитала старая львица,

Справиться со мною не нашлась девица, —

мама довольно заулыбалась, а девчонки вспомнили эпопею с Котёнком и зашушукались.

Попадёшься навстречу – отвали, зашибу,

Те, кто не понял, давно уж в гробу.

Один кулак железный, второй стальной,

Одной рукой промажу, достану другой.

После этого куплета ребята закивали. Нормальное дело! Понятное. Наш пацан, любит помахаться. После последних строк зал взорвался аплодисментами. Народ в поселке простой и непосредственный. Стали требовать повтора. Исполнил еще раз, но на английском языке. Понравилось значительно меньше, зато убедились, что такая песня действительно есть, а не я ее придумал. Лёлька, которая пошла после меня, показала большой палец. Леонид Андреевич, наш директор, похвалил: «Хороший номер. И идеологически грамотно ты подачу выбрал. Молодец, Костров». Когда сел к родителям, мама шепотом сделала замечание: «Не такая уж я и старая». Видимо, с львицей согласна. Собственно, по гороскопу она родилась под знаком Льва. В антракте ребята тоже одобрили: «Правильная песня. Не блатная, но настоящая пацанская». Так я не думал, не гадал, однако невольно угодил зрителям.

После концерта дернули к комиссии, хоть я им понравился, но номер дальше поселка решили не выпускать. Слишком он непривычный, вдруг чего. Спросили, могу еще что исполнить. Глядя тяжелым взглядом на слушателей, негромко начинаю читать чеканные строфы Маяковского:

Слова

у нас

до важного самого

в привычку входят,

ветшают, как платье.

Хочу

сиять заставить заново

величественнейшее слово —

«ПАРТИЯ».

Одобрили и велели именно с этим стихотворением ехать на областной конкурс. Однако посоветовали подготовить дополнительно еще несколько произведений.

На случай если вдруг выйду из первого тура. Я более или менее помню ход конкурса. Первое место тогда получил как альтернативный ничей кандидат. Драчка была в жюри, там каждый своего кандидата продавливал. Не договорились и, чтобы никто сильно не обиделся, выдвинули нейтрального кандидата, меня. В принципе, могу попробовать повторить результат.

На демонстрацию ходили всей семьей, там ко мне подошел старший Крюков, отец Вовки. Тот пошел учиться в Новосибирский универ. И ведь приняли охламона! Чуток поговорили за жизнь, и Фёдор Владимирович сунул мне в карман газетный сверток. Говорит:

– Здесь доля Чалдона от моей бригады за последнее лето. Ты вроде как его наследник. Опять же наши на могилку ходили. Батюшка сказал, что ты оплатил сорокоусты, крест, оградку… Словом, тебе отходит его долянка.

– Спасибо, но я ж не за это.

– Положено. И вот еще что. Чалдон жилку дал, да закончилась она. Может, от него другая осталась? Мы бы от общества отблагодарили.

Так ведь осталась. В той книжке, что дядя Петя перед больницей дал прибрать, несколько карт нарисовано. Ну как – карты, скорее наброски с абрисом, по таким геологи ходят. В карманчике на задней обложке лежит кусок трехверстки. На нем отмечены места вдоль распадка. На обратной стороне прикинуто, сколько можно взять золота. Судя по всему, геолог прогноз делал. Сам я мыться не буду. Не умею, да и бригада нужна. Можно было бы отдать человеку, однако опасно. Вопросы начнутся: «где взял?», «что еще на хранение тебе было отдано?» и главный – «а не у тебя ли казна Чалдона?». Во избежание неприятностей ответил уклончиво, хоть человек с виду и хороший. Потом посмотрел, в свертке ни много ни мало три тысячи рублей лежало.

Приличные деньги. Можно было бы отдать книжку. Еще денег бы подкинули, может, в долю от добычи бы взяли. Одно мешает. Когда с Чалдоном в последний раз виделся, тот сказал, что именно Крюков их команду кагэбэшникам сдал. Думаю, прихватили старшего Крюка на золотишке, вот он теперь и старается, чтобы на нары лет на пять не присесть. Я не против, пусть живет как знает, но мне светиться около золота ни к чему.

Деньги дело такое – мне дали, я взял и сказал спасибо. Мало? Еще раз скажу и на могилку потрачу. А сам-то я пустой, ничего у меня нет и никогда не было. Знать ничего не знаю, ведать ничего не ведаю. И вообще, глуп, туп, и перхоть меня совсем замучила. А что подарили, как буду в Питере, в церковь на помин души Чалдона отдам.

За столом, когда отмечали годовщину революции, дядя Вася сказал, что в Ягодное по зимнику груз повезут. Зимник – это дорога по снегу. В поселки, расположенные в глубине полуострова, не на побережье, вертолетами много не перебросишь, дорого. Стройматериалы, горючку, продукты… Да что говорить! Почти всё тянут из портопунктов тракторами по зимнику. Из бруса сколачивают огромные сани, прилаживают к ним полозья и нагружают товар. Собирают десяток или два тракторов, цепляют груз, так и везут куда надо. Если караван большой, один трактор с бытовкой. Но стараются обойтись, ведь лишний груз не оплачивают. За рейс в полторы-две недели, поездку туда-обратно, можно заработать тысячу рублей и больше. Зимой самая выгодная работа. Но очень тяжелая и достаточно опасная. Редко бывает, что рейс обходится без происшествий. То промоина в реке маршрут перекроет, то трактор заглохнет, то буран на два-три дня зарядит, после него надо откапываться и заново пробивать дорогу. Если заболел, обморозился или поломался, придется ждать с лечением до ближайшего поселка, чаще всего до конца маршрута. Совсем не факт, что вертолетом эвакуируют, ведь рации с собой не берут.

Так вот, после праздников он в рейс идет. Вдруг какой трактор поломается или еще что. Ну и заработать хочется, он каждую зиму ездит. А в Ягодном списанный газон стоит, он уже побазарил с местными, его готовы отдать за символическую плату. Дядя Вася предварительно договорился. Обратно можно на освободившихся санях притянуть. Но придется чутка аргументировать. Словом, ящик водки, и останки экспериментального газона мои. Сто рублей за кота в мешке. Мне решать – надо ли? Согласился рискнуть, деньги пока есть.

Разговоры

– Что делать-то будешь?! Такие деньжищи!

– Не знаю… Я же в выигрыше был, мне любая карта годилась.

– Кроме туза.

– Угу, кроме туза.

– Отца, может, попросишь?

– Третий раз? Он после второго на меня как на придурка смотрит.

– Может, занять у кого?

– У кого?

– Есть один человек.

– Кто?

– Лёха Писарь при деньгах. У него всегда на кармане лежит.

– А если не даст?

– Ну не даст. Хуже всё равно не будет. Ему надо объяснить, что карточный долг, долг чести. Тебе три дня на сбор денег дали. Он авторитетный пацан, должен понять.

– Вдруг не поймет?

– Ну и что?! Не поймет – значит не поймет. Что ты как маленький? Я тебя уговаривать должен? Делай сам что хочешь.

– Пошли, рядом постоишь? Одному мне что-то стрёмно.

– Ладно, пошли. Постою.

08.11.1972

На день рождения Юн меня пригласила заранее. Не одного, из класса все были приглашены. Что дарить? Шестнадцать лет – все-таки дата. Опять же девчонка. Пацанам я привезённые летом из отпуска радионаборы «Юный техник» дарил.

Однако вывернулся. Вместе с дядей Витей из меди с оловом сварили бронзу. Отлили в медальон, на котором по кругу выгравировали красивым шрифтом: «Юн Маша. 16 лет», – а в центре ее профиль с фотографии. Фотогальваника, как начальник учил. Неделю возился. Хотя, если по чесноку, чуточку грубовато вышло. Подарок понравился. Благородный цвет бронзы хорошо смотрелся на фоне смуглой кожи новорожденной. То, что сделал сам, тоже оценили.

Народу собралось много. Были ребята из нашего прошлогоднего класса, которые остались в поселке, даже Кимба пришла. Еще пара подружек и трое знакомых ребят. Без Машкиных родителей не обошлось, но они весь вечер просидели в своей комнате, не мешали. Хотя в щелочку временами мама подглядывала, я заметил. Как обычно, поели, попели, потанцевали. Когда до меня гитара дошла, вспомнил Петра Лещенко и под настроение запел:

Стаканчики гранёные упали со стола,

Катюшенька, красавица да бросила меня.

Катюшеньку приплел вместо непонятных «рамды мады». После первой же строфы девчонки плотно окружили меня. На куплете

Не бьётся сердце бедное,

И одинок я вновь,

Прощай ты, радость светлая,

Прощай, моя любовь

сочувственно стали вздыхать, а Ириска мстительно ухмыльнулась, подсела ко мне и плотно прижалась, впрочем, не мешая играть. По окончании песни шепнула: «А про меня ты никакую песню не пел!» Из духа противоречия или не знаю сам почему завел «Ах, эти черные глаза». Услышав:

Был день осенний,

И листья грустно опадали,

В последних астрах

Печаль хрустальная жила, —

Девчата сильнее сплотили свои ряды. Ирка, почти обнимая, положила руку на спинку дивана за мной.

Ах, эти черные глаза

Меня любили.

Куда же скрылись вы теперь,

Кто близок вам другой?

По окончании песни шепнула: «Что ты надумываешь себе? Нет у меня никого». Ага, нет никого! Как будто я не видел, как она с парнем обжималась.

Одноклассницы смотрят на нас с Иркой, как будто я для той сам песню сочинил. И ведь не переубедишь их никак. Подружка млеет от удовольствия, потом при всех в щечку чмокнула. Колька ревниво спросил:

– Ты где такие песни выкопал?

– Петр Лещенко. Пластинки до войны популярны были.

Девчата просили еще чего-нибудь, но я отказался, другим ребятам тоже хочется себя проявить.

Когда расходились, два пацана из класса подошли, Серый и Степа. Оба в этом году приехали, потому и задружились.

– Лёх, вопрос важный… Я просить хочу… Только… Понимаешь…

– Короче. Что надо? Не тяни резину.

– Я Цветочку проигрался в карты. Третий раз. Деньги нужны. Говорит, не заплачу, фуфлыжником буду числиться.

– Первые разы платил?

– Да. У отца брал. Обещал, что больше никогда, а вот… Главное, я в выигрыше был!

– Понятно. Цена вопроса?

– Много…

– Много сколько? Что мне, клещами из тебя тянуть? Сто? Двести? Тысяча?

– Двадцать…

– Двадцать тысяч?!

– Обалдел! Двадцать рублей! Как скоплю, отдам…

– Уф… Умеешь ты испугать человека. Отдашь. Не вопрос. Три раза, говоришь?

– Да. Главное, я…

– Понял. В выигрыше был. Еще кто проигрался?

– Да почти все проигрались. Цветочек только всегда в плюсе.

– Сам ему отдам. Где катран устроили?

Что-то измена меня душит за Цветочка. Раньше он пытался младших уму-разуму учить, но его одернули. Врал, что у него брат сидит, за то получил кликуху Подснежник. Еле-еле сменил на Цветочек. Гнилой он, надо сходить посмотреть. Тем более катран разместили в клубе. Пошли втроем.

Цветочек сидит за столом, банкует. Меня увидел, орет:

– Какие люди! И без конвоя! Садись сюда, стиры покатаем!

– Я вообще за Серого монету принес. Но раз зовешь…

Беру со стола колоду. Новая, только из пачки, не игранная пока. Но что-то давит. Плотно сбитая колода, однако есть мелкие неровности по обрезу. Тяну выступ. Туз червей. Кидаю, тяну еще. Туз бубён. Еще. Туз треф. Еще. Туз виней. Спрашиваю:

– Под очко точили? Голые быки идут на сдаче. Не сяду. Коцаным штосом играть не умею.

Пацаны то на меня, то на тузы смотрят круглыми глазами. Цветочек быстро собрался с мыслями:

– Что ты гонишь! Нормальная колода! Только достали из пачки.

– Тебе нормальная, ты играй. Мне предложили, я отказался. Почему колода на очко заточена? Не ко мне. Хочешь разобраться? Позови кого-нибудь. Да хоть дядю Гришу. Он сам говорил, что каталой ходил. Ко мне какие претензии? Играть не сел? А что, обязан?

Пацаны уже просекли тему. Дураков нет. Санёк Быстрик, он тоже за столом сидит, взял дело в свои руки.

– Лёха, никаких вопросов! Иди домой, мы тут сами порешаем, – и так ласково, по-доброму, проникновенно на Цветочка смотрит.

Тот понимает, куда дело клонится. Может, и сбежал бы, да кто его отпустит.

– Димон, мухой за дядей Гришей. Карапуз – к Пушкину. Скажи, перетереть надо.

13–17.11.1972

После каникул в классе стало меньше на одну девочку. Семья Лианы срочно переехала. Как говорили в поселке, в Питер к главе семейства. У него совсем плохо с ногой, вот он и договорился о переводе своих. Немного грусти есть, столько уроков за одной партой отсидели. Встретимся ли мы когда-нибудь, никто сказать не может. Тем паче меня гложут некие подозрения по поводу ее отца.

Жанка держала меня в курсе девчачьих сплетен. Кате мигом доложили про песни на днюхе и что Ириска липла ко мне. Теперь она не знает, как поступить. Опять же стала сомневаться, вернусь ли я к ней вообще. Подружки ее жалеют, но и осуждают за то, что поспешно стала гнуть свою линию. Мальчишки ничего не понимают, поэтому надо с ними действовать более дипломатично. Большая часть девиц за Катькиной спиной еще и злорадствует.

В школе по автоделу, оно у мальчиков вместо труда, принимали зачет по билетам ПДД. Я ответил на «отлично». Мне автодело важно и актуально в свете получения прав на мотоцикл, а потом еще и на машину. В декабре мне исполняется шестнадцать лет, хоть поездить до мая не удастся, но получить документ хочется. Осталось всего два зачета, и желание осуществится, мне обещали.

Цветочек, ныне опять Подснежник, отделался легким испугом и слегка набитой мордой. Дядя Гриша подтвердил, что колода точёная, да еще и с крапом. Причем сбита очень грубо, только для таких сявок, как пионэры, и годится. Пушкин пошел поговорить с родителями шулера.

Главой семьи оказалась мать, но смысл разговора не поменялся. Никто в семье не сидит, не сидел, и ей очень хочется, чтобы так оно оставалось. Выигранные деньги родители вернули. Обещали воспитывать ребенка, но он у них совсем от рук отбился.

Ко мне Пушкин пришел посоветоваться. Что тут скажешь? Убить? Побить? Оно кому-то надо – из-за Подснежника идти на малолетку? Решили считать мухлёвщиком и ни в какие дела не брать. Пусть живет один, как хочет. С Подснежником в классе отказались сидеть даже девочки. Дальше жизнь покажет.

В четверг начальник вошел в студию с сумкой и, как я сразу почуял, не просто поболтать. Он запер дверь и начал разговор:

– Лёша, я с понедельника в отпуск иду. Семь лет не был, возьму разом и отдохну.

Я слегка прибалдел. Отпуск зимою нет интереса брать. Семь лет с учётом северных? Его полгода не будет? Чего-то я не понимаю… Впрочем, раз пришел, сам расскажет.

– Свои вещи из фотолаборатории забери.

– Понял. Заберу.

– И мои вещи пусть у тебя в студии постоят. Там ничего такого. Фотоаппарат да чемодан с новыми вещами. В них уеду. Хочешь, открою, покажу?

– Нет, не надо.

– С меня причитается хороший подарок. Вот смотри.

Выкладывает приблуду, которая делает шесть снимков три на четыре. Ну да, она же его, а не кооператива, имеет право забрать. Добавляет старую камеру, воспетую фронтовыми корреспондентами лейку. Плюс несколько прибамбасов для печати снимков на документы. Обойтись без них легко, но удобны и чуток экономят время. Штук пять книжек по фотографии и с десяток коробочек из-под диафильмов с переснятыми страницами статей на фотографические темы.

– Мне это больше не пригодится. Я получил вызов и лечу в Питер подавать документы в ОВИР.

Третья волна эмиграции. Евреи массово уезжают. Анекдот в то время ходил: «Идут два еврея. О чем-то разговаривают. Их догоняет третий и вклинивается в беседу: „Я не знаю, о чём вы говорите, но согласен, надо уезжать!”» Понятно, почему отпуск длинный, не хочет в поселке светиться. К подавшим документы на выезд отношение было очень не очень. Большинство считало их предателями Родины. Вещи на квартире хранить боится, вдруг кто влезет. Решит, что будущий эмигрант увезет с собой слишком много ценностей.

– Самуил Яковлевич, я вас понял. Пусть вещи стоят, с ними ничего не случится. Вам хватит отпуска? Оформлять и год, и два могут.

– Лёша, ты всё прекрасно знаешь. Но я не секретный физик и уже немного договорился. Обещали быстро отпустить. Приеду, возьму в ОВИРе бланки, здесь их милиция заверит, тогда уеду из поселка окончательно. Осяду в Питере. От ОВИРа недалеко, и зима помягче нашей. Отпускные уже получил, послезавтра улетаю. У меня к тебе предложение – купить кое-что полезное. Если есть немножко денег, например, триста рублей, могу отдать новый пистолет АПС с кобурой, запасными обоймами и запасом патронов. Стреляет очередями, серьезная вещь. Чистый, прямиком из воинской части. Лёша, тебе интересно?

Не очень, но чистый ствол всегда пригодится.

– Да, интересно.

Самуил Яковлевич торгует дальше.

– Есть бельгийский «Кобольд». Маленький карманный револьвер, приличного калибра. Тоже чистый, ни разу не пользованный. Гарантирую. Барабан – пять патронов тридцать восьмого калибра. Их в наличии коробка, двадцать штук. Сувенирная довоенная работа. Двести… пусть сто пятьдесят рублей. Вообще-то в дороге я его ношу с собой. Но сейчас, сам понимаешь, побаиваюсь. Вдруг после ОВИРа начнут придираться и перед самолетом погранцы обыщут.

В теории могут. Но нужен ли револьвер мне? Целая коллекция оружия собирается. Однако патроны есть, значит, стоит взять. На лице уже бывшего наставника отразилась борьба чувств. Жадность, понятно, но что она давит?

– Предложу очень специфические средства. Хотел уничтожить, но тебе могу продать. В фотохимии раньше пользовались цианистым калием, у меня остался пузырёк. Есть компонент фиксажа, который при контакте с кислотой выделяет пары цианида водорода. Есть смертельная гадость, растворяется в кипятке, вкус слабый, легко маскируется лимоном. Еще осталось несколько упаковок клофелина. С алкогольными напитками на время вырубает человека. Извини, но меньше двухсот рублей взять не могу. Рецепты и способы применения дам.

С осторожностью жадность боролась, с осторожностью! Хотя он считает, что я не в курсе отравления Марка Аркадьевича, как все, списываю смерть на инфаркт.

– Жизнь долгая, многое может пригодиться. Триста, сто пятьдесят и двести, всего шестьсот пятьдесят рублей. Верно?

Человек облегченно вздыхает.

– Верно.

– Тогда мне придется чуть-чуть побегать, чтобы набрать такую сумму.

– Иди, я пока приготовлю вещи.

Выхожу от себя, весь кооператив гудит. Оказывается, про отпуск народ только узнал. Думаю, из наших главбух была в курсе, кто-то же отпускные рассчитывал. Женщины косточки Самуилу Яковлевичу моют, решают, почему так долго гулять хочет. Послушал варианты. Богатое у людей воображение! Однако про Израиль никто не вспомнил. Оно понятно, евреи в поселке есть, но никто ни разу от нас не уезжал. Пошел домой, достал свою кассу, взял тысячу. На работу вернулся, отдал деньги, получил товар. Начальник поставил ко мне в шкаф чемодан и алюминиевый ящик с «Лингофом». Отпускные он уже получил, дела сдал, послезавтра утром улетает на несколько дней. Но отходняк не устроил, обещал по возвращении.

Я ушел с работы пораньше, чтобы отнести купленное домой. Понятно, решил посмотреть на свои приобретения. Интересно же! Маленький чемоданчик, однако побольше балетки, уместил все покупки. Первым открыл бумажный пакет с несколькими упаковками клофелина, завернутыми в целлофан, тремя пузырьками с фотохимией и рукописной инструкцией в тетрадке в линеечку. Четким бисерным почерком написана подробная инструкция по использованию каждого снадобья, но описания эффекта применения нет.

Там же, в картонной коробке, нахожу легендарный в наше время, но сейчас почти забытый АПС, автоматический пистолет Стечкина. Про него вспомнят во время войны в Афганистане. Бакелитовая кобура, она же приклад. В ней лежит сам пистолет, даже по внешнему виду серьезная машинка. Магазин в рукояти

наличествует, еще четыре лежат попарно в двойном подсумке. Они разряжены, но в наличии десять коробок по шестнадцать патронов 9?18 ПМ, хватит на зарядку магазинов. На наклейках лиловый штамп с годом выпуска – 1962. Десять лет. Не знаю, нормально, наверное. Не думаю, что патроны просрочены. Есть маслёнка и принадлежности для чистки. А вот инструкции нет. Ладно, переживем.

Последней открываю коробочку из дорогого дерева. В ней револьвер. Игрушка, если бы не калибр. Блестящая, маленькая, чуть больше 11–12 сантиметров. Очень короткий ствол. На рукояти антабка, и к ней пристёгнут толстый шелковый шнурок. Шомпол в наличии, а масленки в комплекте нет. Зато лежит коробочка патронов, двадцать штук. Револьвер чуть не дореволюционный, а вот патроны свежие. Указан 1968 год выпуска. Американского производства, фирма незнакомая. Где достал? У моряков?

Пришлось вновь копать. Ювелирку прибрал в сундучок Чалдона. Оружие и отраву к револьверам-пистолетам.

В пятницу прихожу после школы на работу, а там участковый. Оказывается, Самуил Яковлевич умер. Острое отравление железом. Может, правильнее – отравление острым железом? В общем, множественные колото-резаные раны в области живота. В Петропавловске зарезали. Видать, на отпускные позарились. Уже в самом городе нашли. Похоже, ехал в гостиницу, а кто-то знакомый или, может, незнакомый, но придумавший весомый предлог его позвал, отвел в сторонку и там ударил ножом в живот. Шестнадцать ран, из них три в печень. Умер мой бывший начальник почти сразу. При нем не нашли ни чемодана, ни документов, ни денег. Хорошо, самолетный билет в боковом кармане завалялся, только по нему и смогли опознать покойника.

Крутовато как-то вышло. На Дину Моисеевну не похоже. Сообщить свои подозрения я ей не успел, но она могла без меня что-то знать. Про отъезд кто-то из поселковых мог сообщить. Но шестнадцать ран? Не похоже на женщину. Тут человек с крепкими нервами сработал, ударов многовато. Так на зоне заточкой бьют, много ударов, со скоростью швейной машинки… На зоне? Хм… И он Химик…

Решил посоветоваться с дядей Витей насчет оставленных на хранение вещей. Тот пришел, посмотрел. Фотоаппарат сразу велел унести домой. «Ты его купил, пусть тебе и остается. Что загнал, никто не знает. Да и не нужен он никому».

Чемодан открыл, там новые, неношеные вещи, еще даже с бирками «Альбатроса». Плащ, костюм, ботинки и несколько рубашек. Дяде Вите слишком коротки, мне слишком широки. И что с ними делать? Вдвоём отнесли и чемодан, и металлический кофр с фотоаппаратом ко мне домой. Пусть постоят до времени.

На работу вернулся, там народ весь в непонятках: как оно с Самуилом Яковлевичем так вышло.

Версии строят. Помянули, понятное дело. Три рюмки, как положено. Вновь версии начали строить, не до работы стало.

Возвращаюсь домой, а там отчим сидит весь из себя растроганный, чуть носом не хлюпает. Спрашивает:

– Для мамки ничего не было, что ли?

– Не было, – соглашаюсь я, судорожно пытаясь понять, про что мы сейчас говорим.

– Всё равно не надо было так тратиться. Столько импорта, каких денег стоит! Мне приятно, но ведь очень дорого стоит, наверное.

Оказывается, дядя Витя чемодан с вещами начальника на кухне оставил. Отчим пришел с работы, открыл, увидел новую одежду, померил и решил, что я для него купил. Вещи в самый раз пришлись. Обламывать родителя не стал, тем более поскольку размер подошел.

18.11.1972

В субботу директор школы вновь прозрачно намекнул на посещение заставы. И вновь там меня ожидал Алексей Николаевич, мой знакомый майор, но на сей раз не один. С ним сидел смутно знакомый человек в штатском. Никаких бумаг о неразглашении я не подписывал, позвали просто поговорить. Угу. Просто. Верю. Майор из области прилетел в захудалый поселок на краю земли просто поболтать со школьником. Делать ему больше нечего. Очень правдоподобно. Майор – старший офицер, не знаю про КГБ, в армии начальник штаба батальона,

у погранцов начальник заставы. Не по погонам такому мелочью заниматься, на то лейтенантики есть.

Попросили рассказать, что я думаю или знаю о смерти Самуила Яковлевича. Причем отнеслись как к нормальному, объяснили про покойного, дескать, он оставался последним подозреваемым в организации добычи и переправки золота на материк. Приезжих просто так не убивают, на крайний случай проще подсунуть клофелин, дать кастетом по башке или пригрозить ножом. Прибыль такая же, а статья светит куда как гуманнее по сроку. Опять-таки, искать будут простые следаки, а не важняки, следователи по особо важным делам.

Раз ко мне как к нормальному, значит, и я со всей душой. Начал издалека, с санатория. Как меня у входа встретил Семён Миронович, как я написал о нем в телеграмме родителям, как через четыре дня приехал дядя Юра Туз с сопровождающим расспросить о Гриценко. Про чемоданы предусмотрительно умолчал, а про поселковые дела рассказ начал с пассажа:

– Ну, кто у нас главный старатель, вы сами знаете.

Штатский машинально кивнул, а потом подал голос:

– Так ты всё же скажи, для ясности.

– Крюков. На демонстрации он мне денег сунул. Сказал, доля Чалдона. Вроде я его наследник, на могилку, памятник и всё такое.

– Денег много?

– Три тысячи. – Штатский опять кивнул, соглашаясь. Не! С такой кинестетикой работу с людьми ему нельзя доверять. – По-любому, прилично. А для школьника так вообще выше крыши. Спрашивал жилку, говорит, его кончилась. Значит, дядя Петя добывал информацию о месторождениях у геологов и делился ею с артельщиками. Семён Миронович, как глава районного кооператива, верняк обеспечивал старателей питанием, расходными материалами и закрывал фиктивные наряды на работы. Ему же было удобно собирать добычу от бригад. Товары по поселкам наши возят, оттуда шкуры, рыбу, разнотравье. Пару лишних ящиков никто и не заметит. Слух был, что Гриценко общак увез, думаю, едва ли. Зачем тогда ко мне метнулся? Он должен был сразу на дно залечь.

– Логично и совпадает с нашими данными. Давай дальше.

– Марк Аркадьевич должен был заниматься сбытом золота на материк. Другой роли ему не вижу. Дина Моисеевна, мы с ней виделись в Питере, сказала, что его отравили в день смерти дяди Пети. Значит, готовились заранее. Зачем отравили? Наверное, хотели отсечь ниточку к материку. Кто? Не знаю, сам долго думал. Однако мысли есть. Как-то Самуил Яковлевич показал мне процесс фотогальваники. Вы в курсе, что я ежемесячно платил ему за учёбу? Хотя неважно. Так вот, когда разбирали эту тему, он вдруг сказал про себя: «Муля Химик много чего знает». Муля Химик. Откуда такое погоняло? Семь лет безвыездно живет в поселке. Значит, на материке его ищут. Выехал первый раз и сразу был убит. Значит, искали не милиция, а уголовники. В фотохимии еще недавно применялись соединения цианидов. Не ими ли отравили Марка Аркадьевича? Возможно, Самуилу Яковлевичу кто-то пообещал забвение старых грехов. Он выехал из погранзоны, куда посторонний не может так просто въехать, и встретился с заказчиком. Тот мог даже не сам убивать, а только сообщить о приезде старым дружкам. Последняя нить отсечена! Узнайте, что такого восемь лет назад сотворил Муля Химик и кто он такой. Может, что и прояснится.

– М-да… Воображение у тебя, – пробормотал майор и перевел взгляд на штатского.

– Так точно! Отравление было чем-то цианистым. Прорабатывали версию химикалий для выделения золота из породы. Про фото версии не было.

– Запросите, что есть о Муле Химике! Кто мог знать о его отъезде?

– Об отпуске знали многие наши в конторе, а значит, весь поселок, – я подаю голос. – Даже письмо могло дойти до Питера.

– Нет. Ты, Лёша, умный, но еще маленький, многого не понимаешь. За день-два такое не подготовишь. Кто-то минимум за неделю знал, как только Химик заявление на отпуск написал. Ну да мы разберемся.

За неделю? Значит, кто-то из бухгалтерии стукнул о Самуиле Яковлевиче?

– Алексей, ты не обижайся, но деньги, полученные от Крюкова, надо будет вернуть.

– Не вопрос. Они же не мои. Я их из свертка даже не вытаскивал. Хотел на кладбище за памятник отдать. Сбегаю домой, принесу.

Офицеры переглянулись. Штатский, по-моему, даже повеселел.

– Они меченые, что ли? – вдруг догадался я.

– Ну и нюх у тебя! Таких, как ты, мимо училища грех пропускать. Была бы прямая дорога в легавые, жаль, здоровье подкачало. Сыскарь ты от бога. Деньги действительно меченые. Без обид только давай. Проверить мы должны были.

– Какие могут быть обиды! Я же понимаю – работа у вас такая. Фёдора Владимировича на золоте взяли?

– Да, прямо на незаконном прииске. Около двух килограммов золота за лето он с бригадой там намыл.

Так мне досадно что-то стало. Я же эти деньги на кладбище отложил и только потому не расплатился ими с Самуилом Яковлевичем. А расплатился бы? Тот понял, что я меченую куклу подсунул, и что сделал бы? Либо убил, либо подставил. Стукнул куда надо о проданных шмотках, дальше крутись, как вошь на сковородке. Сволочь Крюков, дай-ка я тебе гадость в обратку кину.

– Мая рыдать. Мая плакать. Такие большие дяди, с такими большими красивыми погонами, а в сказки до сих пор верят.

– Ну-ка, ну-ка… Ты про что?

– В магазине грамм золота десять рублей стоит. Значит, песок не больше пяти. Старателям дадут максимум половину цены, считаем два рубля за один грамм. Два кило – четыре тысячи. Это только для материка деньги большие. Нормальный работяга в поселке летом меньше штуки в месяц не зарабатывает. А тут артель, человека три, если не пять, три-четыре месяца горбатилась без продыху, за свои деньги снарягу покупали, за свои ели-пили, ходили под

статьей, и всего за четыре тысячи? Вам самим не смешно? У отчима разнорабочий в партии только ящики таскает да лопатой машет. С премией четыреста в месяц при жилье и кормёжке имеет. Про сезонников даже не говорю. Строители шабашат, за лето бригадой дом поднимают. Поинтересуйтесь, сколько совхоз им под расчёт платит? Причем чистые, честные деньги. А вы говорите, четыре тысячи на бригаду за лето! Не смешите мои тапочки! Они мне пятки щекотят!

– И ведь дело глаголет! Я под таким углом не смотрел. Постой! Может, жила уже пустая была?

– Значит, разбежались бы. Лето год кормит. Зачем мужикам зазря порожняки гонять? Они бы на икру рванули. Или на стройку. Нашли бы заработок. Выходит, часть золота спецом отложили, чтобы, коли будут неприятности, его нашли и дальше не искали, остальное где-нибудь прикопали.

– Ладно. Спросим. Где шлих перерабатывать могли?

– В поселке? Могла мама, но два-три грамма в день старателям мало, да и с первым отделом в комнате напротив долго не наработаешь. У нас в кооперативе мастерская с вытяжкой есть. Однако люди косяком ходят, и на химическую вонь в центре поселка народ мигом сбежится. В гараже вытяжки толком нет, опять же людей много. Мастерские в аэропорту и на заставе за колючкой, худо-бедно под надзором военных. Остаётся техничка в порту за Тайванем.

– Там тоже народ.

– На Тайване? Какой там народ?! Сезонники! Они или работают, или гулеванят, или спят. Им даже запах по барабану, рыбозавод рядом. Вонь от гниющих рыбьих кишок куда как ядрёней. Опять же, шлих перерабатывают осенью, когда сезонники уезжают.

– На всё у тебя ответ есть. А кто места для промысла старателям сдает, как думаешь?

– Кроме геологов, некому. Опять же, не все из них могут. Разве тот, кто на месте съёмку-разведку делал и точно знает, что золото есть. Нет? Тогда ищите тех, кто к отчетам доступ имел и долго их мог читать. Чтобы старателям было

интересно, месторождение за сезон должно давать килограммов десять-пятнадцать рассыпного золота. Рядовой ходок-геолог не определит запас, знаний не хватит.

– Твой отец?

– Отчим? В теории может, на практике нет. Не в одиночку, во всяком случае. Золото не его профиль, он больше по углям. Поверьте, не выгораживаю, правду говорю. Опять же, лишних денег в семье не появлялось, а кто бесплатно жилу сдавать будет?

– На кого думаешь?

– Просто не знаю. Может, утечка не у нас, а в Питере. Или даже еще выше.

– Спасибо тебе. Хорошо поговорили. Есть о чем подумать. Только знаешь что? За деньгами все-таки сбегай, принеси. За них отчитываться положено.

– Ага. Бегу. Только вы тоже… Расписочку приготовьте. Для порядка. Вдруг ко мне придут с расспросами, а я им бумажку покажу.

20–26.11.1972

С момента смерти бывшего начальника хреноватые расклады пошли. Наш районный руководитель, Ваграм Ашотович, приехал, посмотрел, вроде нормально с делами, стал искать нового директора. Нашёл аж в Каменке. Кризько Вячеслав Чеславович. Пока сделали и. о., по результатам года могут утвердить. Свою жену, Ганну Кондратьевну, он поставил фотографом. Мы с Самуилом Яковлевичем ставку на двоих делили, теперь меня убрали. Минус пятьдесят рублей в месяц, несколько обидно даже. Только первые десять процентов выслуги лет получил, как деньги срезали. Ладно, переживу. Тем паче посвободней буду, сам жаловался, времени ни на что не хватает. Хотели вовсе с работы выгнать, но Ваграм Ашотович цыкнул, и Чеславович сдулся. Так что на работе я остался учеником слесаря, художником и учеником охотника. Кризько взялся за дело рьяно, а главбух, Зинаида Петровна и тетя Даша начали сколачивать оппозицию. Им новое начальство сразу пришлось не по душе.

Ганна обревизовала свое рабочее место и осталась крайне недовольна. Типа нет ничего такого, одно старье. Она про «Пентакон» уже слышала, потребовала его отдать ей для съемок, но я поставил наглую тетку на место. Аппарат мой личный, тем более наградной. С чего бы я должен его отдавать в контору? Если ей чего-то не хватает, так это точно не ко мне. Я тут художник и самую чуточку слесарь. Заказом оборудования, извините, не занимаюсь. Обиделась смертельно. А мне что? Женская партия сразу встала на мою сторону и записала в почетные оппозиционеры.

Сомнения душат, что парочка подгадить может захотеть. Решил убрать с работы лишние вещи. Думаю, домой перенесу, что смогу, на всякий пожарный случай. Заготовок газет у меня года на два вперёд, как раз до отъезда. Чтобы не мазались, аккуратно переложил ватманские листы калькой. Упорядочил в хронологической последовательности. Затем увязал в три чертёжных планшета двадцать четвертого формата. Добавил туда трафареты, а дверные таблички с оргстеклом сложил в ящик и вместе с оставленными книжками сельского художника в несколько приёмов утащил домой. Даже удалось выцыганить у родителей одну из кладовок в собственность.

Беда к новому фотографу пришла с первым клиентом. Снимки на документы пользуются постоянным спросом. По закону подлости, клиент пришел в первый же день. Похоже, Ганна профессионально в студии раньше не работала и толком не знала, что делать. Отсняла фото три на четыре на негатив девять на двенадцать. Самуил Яковлевич свою приблуду забрал, сразу шесть снимков на одной пластинке не получить и в контакт не напечатать. Но другие как-то справляются. Она напечатала шесть снимков девять на двенадцать в контакт и из каждого вырезала фото три на четыре. Не будем говорить о себестоимости, но кооператив ушёл в убыток. Копейки, да. А мы всё-таки работаем для прибыли. Клиенту снимки категорически не понравились. Тень от носа он, может, еще бы выдержал, но вместе с тенями от ушей на портрете стал выглядеть чуть-чуть похожим на слоника. Тогда фотограф поняла, что лампа-вспышка удобна, однако не всегда пригодна для портретной съемки.

Другая беда случилась, когда Ганна по всем правилам ставила свет. Лампы-перекалки и так долго не служат, но включёнными двигать их совсем нельзя. Перегорают от малейшего сотрясения. Ну, вы догадались… Клиент плюнул и ушел.

Запасных ламп на складе Зинаида Петровна не нашла. «Самуил Яковлевич не заказывал. Ему надолго хватало», – не моргнув глазом отбила она претензию фотографа. Надо понимать, что следующий заказ придет не раньше мая с первым теплоходом. Или выписывай за свои из Питера и договаривайся на доставку самолетом. Зинаида Петровна вообще добрая женщина, если не вспоминать про ящик перекалок, теперь лежащий на стеллаже в закутке тети Даши.

Беды, как известно, ходят толпами. Чеславович решил, что торты нужны только к праздникам, и не велел их печь, хватит, мол, черного и белого хлеба. Про сайки просто забыл, подмахнул наряд-заказ не глядя. Сима испекла, что сама же и заказала, но в магазине на законные претензии покупателей отвечали, дескать, новый начальник не разрешил баловать людей выпечкой. К тому же появился запрет принимать плохо выделанные шкурки. Рановато еще, их охотники позже понесут, однако народ волнуется. Что значит «плохо»? Кто решать будет?

Я после школы на работу пришел, а дверь студии приоткрыта. Сладкая парочка в шкафах роется. Нашли порнографические снимки Бухарика, рассматривают их, раскладывая рядами на столе. Я к Зинаиде Петровне, спрашиваю, что делать, дескать, в студии оба Кризько карточки с голыми тетками разглядывают. Я как-то стесняюсь к себе заходить. Женщина не поверила, посмотрела на меня как на идиота. Однако пошла проверить. За ней Фёдор Тимофеевич двинулся и пара случайных посетителей. Интересно все-таки.

Как Зинаида Петровна орала! «Охальники! Дома поганые картинки смотрите! Школьника испугали! Пацан зайти боится!» На крики сбежался весь коллектив.

Ганна оправдывается, типа они нашли в шкафу, хотели малолетнего шпанёнка носом ткнуть! И коньяк у него на полке стоит. Сима высказалась: «Это карточки Бухарика…» И покраснела.

Про бутылки народ не понял – в чем вопрос? Запас всегда должо?н быть. Почему коньяк, а не водка, что ли? Так ведь Лёха художник, интеллигент, эстет, творческая личность. Он своим приятелям водку редко наливает, всё больше коньячишком балует. Фёдор Тимофеевич целый монолог завернул:

– Лёха не такой. Чтоб вы знали – не пьёт, не курит и матом не ругается. Он даже Катьку не огулял, хотя та очень не против была. Не шпана он.

– Точно не шпана! – опять за меня вступилась Симка. – Что ножом мужику глаз чуть не вырезал, так то никто не видел! Подумаешь, Галош рассказал!

– Ага, – подтвердил один из посетителей. – А что троих палками излупцевал, ведь он за девочку вступился. Им так и надо было. Зря его оттащили, пущай совсем бы забил.

Новый начальник с женою почему-то немного побледнели. Об этой грани моего таланта их явно не проинформировали.

– Я одно не поняла, – веско поинтересовалась тетя Даша, – чего вы в чужих вещах рылись?

Меня выдернули на всеобщее обозрение.

– Тебя спрашивали, можно ли твои вещи об-шмонать?

– Нет. Но мне всё равно. Я же молодой, материально безответственный. Если что и пропадет, с меня спросу нет.

– За мной Марк записал, как Володьку выгнал! – взвизгнула Сима. – Что они сперли, я отвечать не собираюсь!

– Может, у Лёхи там деньги лежали! – предположил кто-то из зрителей. – Тыщи три от мамы прятал.

– Пять! – поддержали из коридора. – От папы ныкал.

– Итого восемь тысяч вернуть должны, – подвел итог Фёдор Тимофеевич, – и велосипед.

– Какой еще велосипед? – окрысились Ганка.

– Который здесь мог стоять. Про восемь тысяч, значит, согласны?

Следующие минут двадцать супругам громко, с примерами объясняли, дескать, не знаем, как у них в Каменках, а вот у нас по чужим шкафам никто не лазит. Поганые картинки при людях не разглядывают. Вот тот же Лёха. Не его карточки, так он их даже не тронул. Бухарик уехал, а его вещи по местам сохранены. И всё почему? У нас в поселке порядок! И не каким-то там приезжим его нарушать, брать чужие вещи и развратничать на людях. Оба красных и взмыленных Кризько еле вырвались из толпы негодующих селян. Карточки, с которых началась свара, куда-то делись. Уж больно народ хотел узнать, какие конкретно пакости рассматривала парочка. Коньяка из запасов Бухарика осталось всего три бутылки. Куда-то он разошелся у меня. Но и их я приговорил к уничтожению путем распития. Народ одобрил, взяли еще беленького и пошли в столовку перетереть случившееся.

Назавтра приехала комиссия из райпотребсоюза. Видать, проинформировали о случившемся. Главным – Ваграм Ашотович. Еще Ник Ник, фотограф, с которым снимали свадьбу, и трое полузнакомых товарищей решили на месте разобраться с ситуацией. Что вы мне ни говорите, а южный темперамент, помноженный на северную закалку, дает ошеломительный эффект. Народ мимо кабинета начальника пробегал, как под пулями, пригнувшись. Я прожил долгую жизнь, много чего слышал, но такого мата не доводилось. Прям хоть конспектируй для памяти.

Влезли куда не надо. Очень неправильно. Следующий раз создай комиссию и проводи инспекцию. Еще, понимаешь, аморалка. Поругать и простить, с кем не бывает. Сейчас терпи, пока пропесочат как следует. Но растрата трехсот рублей в первую же неделю работы уже перебор и несколько болезненно воспринимается руководством. А Ольга Петровна, наш главбух, бумаги с этим фактом первым делом подсунула приехавшим контролёрам. Другие женщины рассказали о других недостатках.

Развал работы, аморальное поведение, кумовство, растрата – страшные слова. Результатом проверки стал строгий выговор с занесением в личное дело ему, а ей простой без занесения. Если бы был конкурс на скоростное пожирание начальства, наш женский оппозиционный триумвират с огромным отрывом занял бы первое место.

Ганна Кондратьевна, красная, со слезами на глазах, слушала комментарии Ник Ника о способах ее работы. Он не желает обслуживать кроме своего еще и наш поселок. Приехавший Слоник, которому фотографии были нужны срочно, подробно описал свои хождения по мукам. Вячеслав Чеславович покорно написал просьбу о переводе в Медвежку. А скромно потупившая глазки Зинаида Петровна согласилась занять вакантный пост руководителя.

Из приятного – дядя Вася из рейса вернулся. Перетянул остатки ГАЗ-69. В Ягодное года три назад экспериментальный почтовый пригнали, вроде как для испытаний в районе Крайнего Севера. Понятно, он там никому не нужен, но кто-то очень мудёр был, пробил такое решение. Сначала контейнер с машиной по морю привезли к нам в поселок. Затем дождались зимника и санями на тракторе дотащили на место назначения. Автомобилю там и летом-то ездить некуда, а зимой и подавно. Однако интересно людям, решили посмотреть, что такое им привалило. Достали газон, поездили по гаражу. Здорово! Жаль, покататься по улице нельзя. Забыли до весны. Летом вспомнили, но двигатель был уже напрочь убитый. Что, кто и почему, выяснять не стали, просто запихнули назад в контейнер, списали и забыли. Теперь вот обратно привезли.

Василий чего доволен? Газик как новый. Коленвал стуканул, двигатель, похоже, на выброс, но остальное практически новяк. Я получаю закрытый корпус почтового фургона. На минуточку, утеплённого и с автономной печкой. У моего на дверях замков нет, а в городе без них нельзя. У моего задняя дверца откидная, у почтового двойная распашная. Что удобнее? Недостатки тоже имеются. Основной – грузоподъемность падает килограммов на двести. Для пассажирского варианта нормально, но как грузовик газик только пятьсот кило вытянет. Окон в корпусе нет. На переднем сиденье без разницы, но в салоне темновато. Конечно, можно прорезать отверстия и стекла подыскать, однако зимой холоднее будет. Хотя лампочка в потолке предусмотрена, ею можно обойтись. Словом, мне решать. А он отдохнет, отогреется и может начать с орлами козлика делать. Рубликов двести-триста, однако, придется заплатить.

27–30.11.1972

Зинаида Петровна в первый же день своего правления предложила без потери в деньгах, а наоборот, с прибытком покинуть должности учеников слесаря и охотника. Взамен дает полную ставку художника и… Тут вдруг случился интересный финт ушами… И советует взять по полставки художника в клубе и в

кинотеатре. В клубе ставка всего шестьдесят рублей, половина – тридцать. Работы немного. Я ей не сказал, но в курсе, что больше, чем у нас в конторе. Афиши, объявления, те же стенгазеты. Кинотеатр платит художнику сто двадцать, соответственно, мне предлагается шестьдесят. Раз или два в неделю надо написать афишу про фильмы, идущие по будням и в выходные. Ерунда? Размер афиши метр на полтора. Материал – грубый холст. Его грунтуют белилами, затем наносят название фильма и сеансы. Не так сложно. Следующий вопрос – где брать новые холсты? Правильный ответ – отмывать старые. Напоминаю – Север. В декабре сумерки почти весь день. Холод. Часто бывает пурга. Мыть холсты на улице удовольствие ниже среднего, сильно ниже. Придется носить кипяток, поливать холст, скоблить старую краску. Грязно опять же. Желающих заняться маловато. Раньше холстами развлекался директор кинотеатра, сейчас он ушел директором в клуб. Пока еще моет. Из-за денег, но без удовольствия.

Несколько неожиданно для новой начальницы отказываюсь от такой чести. Вежливо. Говорю, учеба в школе, тренировки по стрельбе, просто не хватит времени. То, что вместо рабочего стану служащим, не упоминаю. Хотя оно значительно хуже для анкеты. Не хочу выглядеть слишком умным. Обнажается доселе скрытый кинжал. Тогда деньги художника вместе со студией придется отдать. Легко соглашаюсь. Кинжал выбит из рук. Разоружил, но минус сорок рублей за художника. Осталось шестьдесят за ученика слесаря и тридцать пять за ученика охотника. Думаю, сейчас будет дальше мне зарплату снижать. Нет! Ошибся. Оказалось, в районе не довольны снижением моих доходов. Они в курсе потери полставки фотографа. Ваграму Ашотовичу велели изыскать возможность помочь «нашему чемпиону» и цифру озвучили – не меньше двухсот. Вот Зинаида Петровна и решила платить мне за чужой счет.

– Ты понимаешь, я ставку фотографа уже обещала! Что бы нам придумать?

Виду не показываю, но в душе всё кипит от обиды. Кризько чужой был, а тут вроде хорошая знакомая. Пожимаю плечами.

– Не знаю. В принципе, могу перевестись в другое место. В гараж к дяде Васе, например. Он не откажет, – наивно предлагаю я.

Никто райкому и райисполкому не откажет, но выводы про руководство кооператива сделают. Пусть сама думает, раз начальница.

Переводом народ уходит на другую работу, чтобы не терять надбавку за выслугу лет. У меня она лишь десять процентов, но увольняться и начинать с нуля не хочется.

– Может, тебе разряд присвоить? Уже давно пора. И оформим на участок ремонта тары.

Оказывается, готов запасной вариант? Уверен, Ашотович его сразу предложил, а Петровна решила сэкономить.

Чтобы было понятно, по большей части нам привозят товар в деревянных ящиках. На материке тара возвратная, у нас нет. Если везти пустые ящики обратно в Питер, они по цене золотыми станут. Так что их не чинят. Для невеликих потребностей поселка выбирают покрепче, остальные идут на дрова.

По результату разговора у меня теперь должность слесаря-инструментальщика 3-го разряда. Синекура. Оклада нет, сдельщина. Закрывать обещает двести рублей в месяц без учета надбавок. Северные сто шестьдесят и двадцать за выслугу. Всего триста восемьдесят, очень прилично. Однако осадок от разговора остался, да и студии лишился. Зато на работу могу не ходить.

С одной стороны, могу не ходить, с другой – дядя Витя учит. Обустроился у него в мастерской, он сам предложил. Стал инструмент раскладывать и вдруг вижу на верстаке рецепт. Не на обычной желтоватой бумаге, а красивый, белый, весь в тонких узорах, как на денежных купюрах, и тоже с водяными знаками. Я раньше похожий только раз видел, и то случайно. На таких бланках в Союзе выписывали рецепты на наркотики. Дядя Витя заметил мой взгляд и хмыкнул:

– Умный ты, всё-то знаешь. Вот и про лекарство сразу понял. А что Витя Калина спекся, даже не догадывался.

Тут-то он и рассказал, что освободили его не по УДО, а по актировке, как хронически тяжелобольного. Думали, он на операцию пойдет, однако после нее редко больше полугода живут. Больной под нож не полез и живет уже четыре года. Несколько времени назад начались боли, значит, конец уже близок. Пока ходит, но врач обещает не больше двух-трех месяцев. Железный мужик! Так держаться перед смертью мало кто может. Рак и в XXI веке не победили, а сейчас только самое начало войны с ним. Главное, ведь сказать-то нечего.

Сочувствия ему точно не нужно. А иного ни я, ни кто другой предложить не может. Здоровье не купишь. Спросил для приличия:

– Может, могу чем помочь?

– Можешь, – ответил старик. – Не пыли. Всё едино никто ничего не сделает. Скоро уходить придется.

И ведь возразить нечего. Расстроился я просто жуть как. Так представляете? Меня Калина успокаивать начал. Другой сам от расстройства в запой бы ушел, а этот… Уважаю человека. Он настоящий боец.

Новым фотографом стал муж начальницы. Неожиданный поворот. Хотя он сразу попросился на стажировку к Ник Нику, значит, мужик нормальный и работу потянет.

Художником на трех работах стал парень, приехавший летом на рыбозавод. Заработать толком не смог, загулял на Тайване, потому решил остаться до следующего сезона. Максимка уже работает ночным сторожем летних цехов рыбозавода и бросать не собирается. А что? Сиди себе в сторожке, никому заметённые цеха не нужны. Пришел, печку истопил, чайку заварил и дрыхни до утра, только дровишки подкидывай. В теории, за ночь надо бы пару обходов сделать, но зачем? Кому надо?

Экзамен на сдачу разряда назначили на следующий день. Комиссия сначала погоняла по теории и технике безопасности, но без души, чисто формально. Затем заставили заточить фрезу, разобрать и починить ручную дрель, причем для нее пришлось выточить на токарном станке шайбу. Целый день, однако, провозились со мной уважаемые люди, но экзамен приняли и даже похвалили. Вечером устроил банкет в столовке.

– Вроде не того… – нерешительно попытался отказаться председатель и по совместительству один из архаровцев дяди Васи.

– Не того до подписания результатов экзамена, – пояснил я. – А раз подписано, после трудового дня принять по пятьдесят грамм никто запретить не может.

– По сто, – строго поправил Фёдор Тимофеевич. Выпил он, однако, никак не меньше трёхсот и с банкета домой ушел на своих ногах.

Кроме экзаменаторов и дяди Вити праздновал почти весь состав конторы. Банкет влетел мне в копеечку, зато официально прописался в рабочем классе. Опять же, наш коллектив меня и так за своего считал, а теперь, после официальной прописки, совсем родным стал. Хотя Зинаида Петровна в мою сторону нехорошо и многообещающе поглядывала. И с чего она на меня взъелась?

У Фёдора Тимофеевича гитарка есть, понятно, принес в столовку. Поиграл чуток, отложил. Тут я попросил побренчать. Так что-то на меня накатило. И Петра Петровича жалко, и дядю Витю, и вообще… Запел песню из фильма, неоднократно дописанную и переработанную, но душевную и жизненную:

Жили два приятеля, два блатных романтика,

Всё на свете семечки, друзья.

Но судьба крутая ожидала мальчиков,

Корешок мой Сенечка и я.

Вроде народ насторожился, весь в непонятках – чего такое тут звучит, но я продолжаю петь.

В очередь носили мы шкары и подштанники,

Всё на свете семечки, друзья.

Были мы домушники, были мы карманники,

Корешок мой Сенечка и я.

Немного ошалевшие Фёдор Тимофеевич с дядей Витей переглянулись. Калина подмигнул, и оба вышли из-за стола.

Знала вся милиция наши с Сеней тельники,

Всё на свете семечки, друзья.

Были мы товарищи, стали мы подельники,

Корешок мой Сенечка и я.

Под настроение меня несло. Этой песни в первой жизни я знал вариантов пять, могу выдать куплетов тридцать, не меньше. Почти весь коллектив кооператива собрался у нас на банкете, слушают. Дядя Витя с Фёдором Тимофеевичем танцуют на пару. Да так ловко, так слаженно. Точно не в первый раз выдают такое. У каждого в левой руке горящая папироска. Тут тебе и чечётка, тут тебе и присядка. То сойдутся, то повернутся и подошвами стукнутся. Артисты!

Бутылочка ходит по рукам зрителей, а у танцоров в правой руке появилось по полной стопочке. Они еще и чокаются в танце.

Непривычные пальцы сбиты в кровь, мало играл на гитаре в этой жизни. Однако заканчиваю.

Все статьи узнали в Уголовном кодексе,

Повидали дальние края.

Жизнь промчалась наша, будто в скором поезде,

Корешок мой Сенечка и я.

– Ну ты выдал, пацан! Как будто не меньше пятерочки отмотал на зоне, – хлопает по плечу Фёдор Тимофеевич.

– Артист! – соглашается Ольга Петровна, наш главный бухгалтер.

– Наш парень, – подтверждает Михалыч, парторг. – Рюмочку примешь? Сейчас тебе можно, твой первый рабочий разряд обмываем.

– Не! Спасибо. Сердечник я, нельзя мне. Не обижайтесь.

– Ну коли так, тогда не надо, какие тут могут быть обиды.

– Давно не играл, струны кровью перемазал. Простите, Фёдор Тимофеевич.

– Ничего, ототрем.

Декабрь

Разговоры

– Моня Химик! Соломон Янович Кроншвейн! Девять лет во всесоюзном розыске! Жил у нас под боком, а никто даже не почесался! Простой школьник и то сообразил, что если кто-то семь лет не выезжает из поселка, значит, дело нечисто!

– Может, ошибка?

– Отпечатки пальцев покойника совпали с отпечатками из розыскного дела. Все представленные им документы и справки, хранящиеся в личном деле, поддельные. Фронтовые и семейные фотографии смонтированы. В период с 1958-го по 1962 год Химик состоял в шайке грабителей коллекционеров антиквариата. После ареста одного из подельников отравил главаря и скрылся. Отравил, кстати, тоже цианидом. Приговорен другими членами банды к смерти, но они не успели его достать, так как были арестованы. Сейчас двое уже отбыли срок и освобождены из мест заключения. Вот и повод, вот и исполнители.

* * *

– Остаток пришлют до двадцатых чисел января. Там не так много, тысяч двадцать. Еще вчера Султан прилетел, привез чемоданы. Не обманул малой, не открывал. Все контрольки целы.

– Молодец паря. Взяли чисто?

– Да ничего сложного! Адрес постоянной прописки нашли в личном деле матери. Девятый, последний этаж. Крыша и та плоская. С нее по веревке на балкон, дверь открыли и вошли. Вещи действительно стояли под кроватью. Аккуратно вытянули на крышу, балконную дверь закрыли и ушли.

– Там всё?

– Архив весь, а вот деньги надо считать. Крутил Марк, крутил.

– Ладно, поздно уже. Не спросишь с него. Ты говорил, у Алёшки день рождения? Пошли от меня подарочек. Котлеточку! Хе-хе! И потом… подмогни ему, если что. За могилку. Да, еще! Лекарство немецкое?

– Швейцарское.

– Разницы нет. Та же немчура. Думаешь, поможет?

* * *

– Группа расформировывается. Прикомандированные возвращаются по месту службы и новогодние праздники справляют с семьями. Дело продолжит вести облуправление. Следующая неделя на оформление документов и передачу дел. Наградные листы не забудьте. Затем по домам. Еще вопросы остались?

– Костров…

– А! Ваш вундеркинд! Помесь Ната Пинкертона и Кожаного Чулка! Смотрел соображения по его использованию. Полная чушь. Например, вариант «Наследник». В шестнадцать лет вести дела по золотодобыче ему никто не позволит, авторитета нет. «Подвод к уголовным лидерам» показывает незнание автором реалий криминальной среды. Его учитель из «ссученных». Какой подвод? Ему бы выжить на зоне. Любой «законник» парня зарежет, только чтобы показать себя блюстителем чистоты воровского мира. «Партаппаратчик» лучше, но тоже не ахти. Без имени, без связей он не поднимется выше уровня райкома. Наш интерес минимален, разве что смежники могут заинтересоваться.

* * *

– Жанка! Лёшка с Катькой совсем разбежались?

– Ага. И это он еще не знает, что она другого нашла.

– А тебе самой Костёр нравится?

– Ну… так… Он хороший парень, можно было бы погулять, но после школы мы по-любому разбежимся. Он к себе в Москву, я в Новосиб, в Академгородок. Тогда зачем зазря себе голову морочить?

– Если тебе он не нужен, может, меня с ним сведешь?

– Могу. Только ты же летом уедешь?

– Уеду. В Москве поступать буду, а Лёша через год приедет. Без друзей, без знакомых. А тут появляюсь я, такая красивая и умная. И мы с ним уже чуть-чуть гуляли. Смекаешь?

– Ну Надька! Ну ты хитрованка! Ты уже всё рассчитала!

– А как же! Думаешь, так просто хорошего парня подцепить? Сведи меня с ним, должна буду.

01–05.12.1972

Первого декабря добровольно-принудительно мобилизовали лучших охотников-промысловиков района. Волки. Самая страшная напасть для оленьего стада. В этот год их расплодилось особенно много, пастухи перестали справляться, и, чтобы не сорвать ежегодный забой оленей, весь следующий год кормящий район мясом, число хищников решили кардинально сократить.

Анатолий Гордеевич, егерь, с которым летом ходили на охоту, похлопотал, и меня, как победителя областных, окружных и районных стрелковых соревнований, снайпера и просто хорошего пацана, взяли в одну из команд. Получил патроны, меховую полость, чтобы не замерзнуть на морозе, затем тепло одетым сел в вертолет с еще одним охотником из Медвежки и полетел.

Это была не охота, а убийство. Обнаружив стаю, вертолет завис, и мы начали стрелять. У напарника трехлинейка, я взял свой СКС. Вибрация, холод и непривычный угол сильно сказывались на меткости, но скорострельность и прекрасный обзор компенсировали недостатки. Я бил по разбегающимся хищникам, партнер добивал подранков. Рассеяв стаю, мы вернулись на базу, поели, отогрелись и опять вылетели в поиск. А на место сшибки, сразу по нашему прибытию, вездеходом поехала группа наземных охотников – найти выживших, добить недобитых и просто сосчитать число тушек.

Сколько денег стоило устройство этой бойни районным организациям, боюсь даже подумать. Вертолетов только на нашей базе было задействовано три машины со сменными экипажами. Техников, горючку и что там еще требуется для вылетов, просто не считаем, без них вертаки не взлетят. Отдельно проводилась загонная охота по обнаруженным волкам. Думаю, всего было задействовано стволов под сотню.

В обычное время за уничтоженного волка платили тридцать рублей, сейчас из-за количества привлечённых людей трудно было бы сказать, кто сколько убил, да и помощникам охотников стало бы обидно. Мы три дня работали за идею, еду и бесплатные патроны. Народ понимал, что оленеводам помогать надо. Сильно позже совхоз прислал мне официальное благодарственное письмо, да еще мужики из наземных команд подарили шкуру седого матерого волка, вот и весь прибыток. Хотя нет, я оставшиеся патроны заначил. Целый невскрытый цинк и два подсумка с носимым комплектом. Кто знает, в подсумке тридцать патронов, ровно три обоймы. Правда, не убойных полуоболочечных охотничьих, а обычных боевых армейских.

Еще прихватил чуток дармовых патронов для мосинки, штук тридцать надыбал. Больше не получилось, боеприпас для трехлинейки ходовой. Это не мой СКС, экзотика среди промысловиков.

Причем теперь понятно почему. Симоновский карабин – оружие на среднего зверя. Ни на медведя, ни на лося с ним лучше не ходить. На волка его вполне хватает, нерпу тоже бил, думаю, и на северного оленя сгодится. А вот с росомахой я бы не стал рисковать. Зверь серьезный и живучий.

Кстати, напарник обещал свести с умельцем, который доведет СКС до идеала. Смутно намекал на покупку полной переделки карабина, с которым случилось резкое сокращение длины и появление оптического прицела. Ну, не знаю, как

говорится, «будем посмотреть». Купить-то легко, как на материке с ним быть? Очень не хочется отвечать за левый ствол, у которого к тому же весьма сомнительная полезность.

Вернулся домой замерзший, усталый, но довольный причислением к когорте профессиональных охотников, отсыпался до самого обеда, потом сходил в баню погреться и смыть пот. Затем прилег на пару минут и продрых до прихода родителей с работы.

Вечером Ким Коля зашел, мой бывший одноклассник, сосланный отцом в оленеводы, но прибывший на забой. Совсем коряком стал. Не только по одежде, но и по изменившемуся мировоззрению. Колян похвастал, что получил взрослое имя, теперь он Кавав. Вместе с именем у него завелась и жена. В сельсовете еще не записались, но уже спят вместе. В общем стаде у него теперь есть собственные олени. Пока десяток, но какие его годы! Обрастает понемногу имуществом. Даже ярангу подарил отец жены. Для полного счастья нужно бы собственное ружье заполучить, но в стойбище лишнего нет, а в охотмаге ему не продают из-за прошлых неприятностей с законом.

Намек понял. Достал ИЖ-5, одностволку Чалдона с новым прикладом, и вручил Коляну. Заодно подстраховался, поди найди ружье в тундре. Приятель отдарился парой шкурок горностая.

Газета

К пятому числу, ко Дню Конституции, стенгазеты в конторе не висело. У газеты, висящей с 7 ноября, стоял профорг и, покачиваясь с мысков на пятки начищенных сапог, внимательно и вдумчиво вслух читал заголовок. Причем с выражением и уже третий раз. Парторг внимательно слушал. Исполняющая обязанности директора стояла рядом с покаянным видом.

– Зин, я чо-то не понял, – профорг на словах «Великая Октябрьская социалистическая» вдруг переключился на женщину, – это старая газета, чо ли?

– Понимаешь, Максимка не успел…

– А! Я-то, дурак, читаю и никак не пойму! Вроде Конституция уже, а написано про революцию. И где висит газета про всенародный праздник принятия нашей родной Конституции 1936 года?

– Максимка не успел, – чуть громче произнесла Зинаида Петровна.

– Михалыч, ты у нас парторг. Кто такой Максимка, знаешь? Я нет. Лёху знаю. Он у нас ко всякому празднику газету вывешивал. Хороший пацан. Как думаешь, он могёт к завтрему газету повесить? А то как-то не по-партейному получается.

– Семёныч, его Зинка съела. Всё денег ей жалко. Алика наняла, а тот, понимаешь, запил.

– Водяру всякий жрать могёт. Чо с газетой-то будет?

– Лёха пацан нормальный. Я схожу, сам его попрошу придумать что-нибудь. Он комсомолец, не откажет в таком деле.

– Оно да… Дело такое… Не за рупь-целковый радеть надо. Придут к нам и спросят: «Что ж вы всенародный праздник не отмечаете?» И чо мы скажем?

– Так прошлый год тоже…

– Зин, ты лучше помолчи. Ругаться матерно не хочется. Михалыч попросит, Лёха не откажет. А вот твоих Максимок народ видеть в кооперативе боле не желает.

В конце дня у газеты стояло то же трио. На ватманском листе алела красная книга с золотой надписью: «Конституция СССР». Герб, флаг и три лозунга были в наличии, как и переписанная чертежным шрифтом статья из газеты.

– Главное, Лёха только-только приехал с волчьей облавы. А газету сразу выдал. Видать, не верил в Максимку, заранее сделал. И денег, сказал, не надо. Говорит, считаю своим долгом, как комсомолец и всё такое. Газеты на любые праздники за мной, сказал, будут. Одно слово – трудяга. Наш человек.

– Я тут чо думаю. Я, может, чо не понимаю, но ты, Зинка, ему комнату взад возвертай. А то взяла, понимаешь, моду сесть на шею и ножки свесить! Народ

такого не любит!

– Семёныч, давай, однако, премию ему дадим. И грамоту за волков.

– А то ж!

04.12.1972

В понедельник школа, на первом уроке линейка в честь Дня Конституции, а после последнего мой доклад про то, как бил волков с вертолета. Пацаны обзавидовались, тоже хотели бы пострелять.

Попик сидит с Нинкой, втюрился и ходит за ней хвостиком. Той такое положение нравится, но время от времени она фыркает и гоняет Кольку.

Лена со Степаном сидят вместе, строят друг другу глазки и вместе делают уроки. Оба были троечниками, но отставали по разным предметам. Объединившись, стали тянуть друг друга и вдруг, к собственному удивлению, по результатам первой четверти попали в твёрдые хорошисты, что очень понравилось их родителям.

Семя сильно разочаровался в Ване. Что главное в девушке? Особенно соседке по парте? Чтобы она всегда делала домашние задания и давала их списать. Тут же случилось сплошное разочарование – списать она давала, вот только задания не делала, ленилась. Девчонки парням перекатать еще давали. Типа, чего уж тут поделаешь, пацаны, они такие. Но между собой такое не одобрялось. Так что Юрка искал, у кого можно взять домашку, ныл, умолял и договаривался, а после, уже у него, сдувала Лиу. Кому такое понравится? В прошлой жизни она жила получше, я по дружбе решал ей задания, и её успеваемость была значительно выше.

Юрка попытался было пересесть за парту к Юне, раз Лиана освободила место. Машка его не приняла, а Вана жутко обиделась, договорилась с классной и сама отсела от него на свободную парту. К ней, повинуясь мимолетом брошенному взгляду, перебрался Серёга. Он твердый хорошист, хотя и раздолбай по жизни. На его место пересел Юрок. Надя, его новая соседка, была отличницей и давно неровно дышала по Семе. Видимо, для повышения успеваемости, Мария

Ивановна утвердила рокировки, но обещала посмотреть на четвертные оценки.

У Лётчика жизнь вроде наладилась. Мать обещала мужу подать на развод, если тот еще раз поднимет на нее или на сына руку. Ванькин отец проникся, пить почти перестал, хотя временами с мужиками принимает, а затем дома начинает качать права, однако руки распускать боится. Не знаю, долго ли он продержится. Иван пытается вновь прибиться ко мне, но я былого доверия не выказываю и с поручениями не посылаю. Однажды отказался быть моим адъютантом, другой раз не позову.

На работе только зашел в контору, как парторг нарисовался. Прямо не говорит, но очень прозрачно намекает на стенгазету к празднику. Просить не просит, ведь меня из художников разжаловали, однако нынешний в запой ушел, а за отсутствие наглядной агитации парторгу же и влетит. Ну, дело понятное, обещаю принести потребное. Легкий намек на оплату отметаю с ходу. Типа, я комсомолец или где? Пока работаю, все стенгазеты к любым праздникам за мной будут. И деньги не предлагайте, общественным поручением считаю. Порадовал человека. Про то, что непонятно за какие такие дела бабло получаю, народ пока не вспомнил. Лучше пусть и не вспоминает.

Зинаида Петровна зашла, вместо «спасибо» вернула изостудию. Сколько я в ней не был? Неделю? Вроде ничего не изменилось. Ну да я теперь ученый, возвращать газеты не собираюсь. Дома сохранней будут.

Дядя Витя к себе позвал. Показывает очередной набор инструментов, теперь ювелира. Говорит, в ящике лежит минимум необходимого. Хотя на первый взгляд инструментов много, от надфилей и маленькой киянки до штангенциркуля и лабораторных весов. Горелка для плавки, форсунка для пайки, всякие тигли, изложницы. Отдельно завернуты вальцы, которыми мы Юне бронзу вытягивали. Чуток химии. Припои всякие, модельный воск, цинк, медь и другие реагенты. Даже ртути немного есть. Завершает комплект маленький немецкий токарно-фрезерный станок в коробке, по внешнему виду и весу напоминающий старую швейную машинку системы «Зингер». Отдельно была выдана книга, обёрнутая древней газетой.

– Сам понимаешь, оно мне уже ни к чему, – поясняет Калина. – Я по этой книжке учился. Ты тоже попробуй. Дело не шибко хитрое. Часовщиком сложнее быть.

– Может… – начинаю отнекиваться и замолкаю. Действительно, чего там говорить. Человеку больше ничего уже не надо.

Книга называется «Из старателей в золотых дел мастера», издана на обёрточной бумаге в далеком 1923 году типографией Томского союза кооператоров. Листаю. Уже в предисловии сказано, что она выпущена для ранее забитых и стенавших под гнетом царского режима старателей. Ее цель, согласно новой экономической политике, решениям РКП(б) и указаниям лично товарища Троцкого, – воспитать революционных золотых дел мастеров, которые в преддверии мировой революции должны заменить буржуазных ювелиров и прочих прихвостней старого режима. Такое вступление заняло первые десять страниц. Дальше пошли конкретные описания методов обогащения золотого песка до золота ювелирных кондиций. Следующие главы рассказывали, как сделать революционные коммунистические украшения. Судя по фамилии автора, товарищ Кантор сам был из ювелиров и замаливал грехи перед новой властью, не бросая основной профессии. Без идеологического предисловия книга весьма полезная и познавательная. Однако рецепты довольно простые, интересны только для начинающего постигать азы мастерства. Хотя, может, раньше именно так и делали? Не уверен, что стану ювелиром, однако лишними инструменты не будут, стал благодарить. Человек не слушает, свое говорит:

– Дошла весточка от старого друга. Туза на сходняке воры приговорили. Он знал, к чему дело клонится, не пошёл туда. Верняк забьётся в щель и будет тихариться. Не опасен теперь. Сёму Гриценко, оказывается, еще летом похоронили. Что и как, сказать не могу, но общак старателей он не брал, однако, видать, чем-то перед золотоношами проштрафился. Чтоб ты знал, Муля когда-то своих корешей на бабки кинул. Он сам будет из бандитов, решил затихариться и у нас залёг в берлогу. Когда надоело ему в поселке небо коптить, в отрыв пойти решил, а дружки, видать, не забыли и сразу достали. На Зинку небось обижен?

– Есть немного.

– Плюнь да разотри. Дорвалась бабенка до власти на старости лет. Ты молодой, скоро в Москву вернешься. А ей даже ехать некуда. Ее дети и те толком не пристроены. Она с мужем им на кооператив зарабатывает. Потому завидует тем, кому по жизни больше повезло. Дашку опасайся. Она Кризьковых задавила, остальные так… сбоку припёка. У нее связи по всему району. Но она тебя любит, гадить не станет. Ее мужик в полынью провалился и сильно застудился. Что легкие, что ливер, всё болит. Хотят в конце лета перебраться в теплые края.

Тебе без разницы, однако для случая знай – Захаров, который в СМУ бухгалтером работает, не под своей фамилией живет. За растрату его ищут. Кузьмича, главного мента нашего, знаешь? Он берёт. Много, но вопросы решает. Бабло в бочке с капустой хранит. И не только бабло. Кое-кто случайно увидел, кое-кому рассказал. Некоторые хотят ментовской капустки отведать, но боятся ответки. Лютовать Кузьмич будет, пока не вернут его добро. Хотя какое оно его?! Всё с братвы ободрал. Если что еще полезное вспомню, на бумажке запишу.

– Спасибо. Может, пригодится.

– Знать полезно, а вот когда знают, что ты знаешь, здоровью вредит. С властью не бодайся, бесполезно. Камня на могилу не ставь, давить будет. Креста тоже не надо, неверующий я. Лучше бы сгореть в крематории. Советую разок на зону ненадолго сходить. Для наведения контактов оно полезно, особенно если статья будет авторитетная. Если что не так, зла на меня не держи, для тебя старался.

Тяжко было слушать старика. К смерти он готовится.

05.12.1972

На отметить Конституцию у нас собралось много народу. Разговоры, слухи, сплетни. Семенюки одни не с нами. Как я отчиму про малявы рассказал, они раззнакомились. Морды друг другу не бьют, работают в одной организации, но отношения на уровне «здрасьте – до свидания».

С дядей Васей знаете кто пришёл? Наша Сима из пекарни! То-то я знакомую цепочку у неё на шее с лета замечаю. Выпила стопочку красненького, и только. Наш железный холостяк сломался? Решил ребеночка завести? С женой вместе? Похоже. Ну, как говорится, совет да любовь. Не один я, вся компания их вычислила. Хотя чего там вычислять! И так дело ясное. Женщины, понятное дело, чуть не в открытую Симу про срок спрашивают. Та смущается. Они ей советы дают, на мужиков внимания не обращают. Словом, полная идиллия.

Дядя Вася женщин не слушает, рассказывает про задуманные улучшения почтового газика. Откидные скамейки в фургоне можно и покомфортабельнее сделать. Опять же, лебёдка от вездехода к газику – как в преферансе два туза к разбойнику. Делать почти ничего не придется, и сама вещь в гараже валяется,

со списанного вездехода сняли да до случая прибрали. Передние сиденья тоже поменять стоит, благо остались в заначке от того же вездехода. Не грех кое-что в салоне улучшить. А в райцентре, у ментов на складе, для их газона новый движок от «Победы» лежит. Они не поставили, им и так нормально, но на почтовике он очень душевно бы смотрелся. И взять его можно всего-навсего лишь за ящик коньяку. Причём оформление документов войдет в эту цену. Серьезно озадачился человек, настоящий фанатик автомобилей.

Родители Генки зашли, передали мне от него письмо, написанное прямо на свиданке с родителями внутри папиросной пачки. В письме сиделец написал: «Лёха, дружбан! На всю жизнь запомню тебя! Твой грев пришёлся очень ко времени. Выручил меня и еще двух других хороших людей. Кроме тебя и родителей, ни одна падла даже окурка не прислала. Не попадай сюда никогда, на воле всяко лучше. При встрече обскажу всё как есть. Привет и благодарность от моих корешей Димы Зелёного и Сани Гвоздя. Твой друг до гробовой доски, Гена Погорелец».

Отец приехал со свиданки в шоке. Мать чуть в обморок не упала, когда ребенка увидела. Сын в колонию еще не доехал, а наколок уже штук пять. Не говорит, а по фене ботает. Правда, Вася Пушкин мне еще раньше рассказал кое-что дополнительно, чего родители не знали. Генкин крестный, который его на дело поставил, не из авторитетов. Мягко говоря. Чушкарь по масти, хорошо хоть не опущенный. А на малолетке важна каждая мелочь, пацану делом приходится себя показывать. В поселок малява приходила, спрашивали, кто он по жизни был. Не знаю, что в обратку наши написали, но вроде косяков за Генкой не замечалось.

Парень получил год, однако предварительное заключение зачли, срок пойдет с момента ареста. Типа, не упирался, сотрудничал со следствием, можно чуток поощрить. Опять же, не трепали нервы, не мурыжили с разрешениями на передачи и на свидание.

Отец на свиданке объяснил сыну расклады. Если послушает, в марте сможет выйти по УДО. Если нет, то верняк встанет на кривую дорожку и пропишется в тюряге. Посмотрим, как дальше сложится.

Наши выпивали, обменивались поселковыми новостями, пели. Я поел и к себе ушел, уроки делать за меня никто не будет. Вдруг отчим заходит, к столу зовет. Народ спеть просит. Мне не жалко, пошел. Перебираю струны, смотрю на наших,

тут подумалось – что-то тетя Тоня с мужем к нам сегодня не зашли? Они же с мамой стали подружки не разлей вода. Всё мне косточки мыли за ссору с Котёнком. Тут сразу и песня подходящая вспомнилась:

Ты напомнила вчера о том далёком,

Пережитом, позабытом в полусне.

Милый друг, ни разговором, ни намеком

Не ищи былого облика во мне.

На припеве второй гитаркой пристроился дядя Вася.

Всё, что было, всё, что ныло,

Всё давным-давно уплыло.

Истомились лаской губы,

И натешилась душа.

Всё, что пело, всё, что млело,

Всё давным-давно истлело.

Только ты, моя гитара,

Прежним звоном хороша.

Допел до конца, взрослым понравилось. Мать была чуток принявшая, а тут что-то совсем размякла, подошла, обняла, шепчет на ухо:

– Уже всё знаешь? И правильно! Не бери в голову, забудь эту мокрощелку. У тебя таких сотня будет.

Не понял?! Мама догадалась, что я не в курсе, утянула на кухню и доложила о последних новостях. В прошлое воскресенье мамина подруга видела Котёнка в кино с одноклассником. Неподалеку сидела. Что у них было или не было, точно не знает, но парочка взасос целовалась, а парень весь сеанс у Катьки за пазухой шарил. Знамо дело, маме такое не понравилось, она рванула к Мальцевым. Выясняет: «Что за ботва?» Дядя Андрей и тетя Тоня ей и выложили, дескать,

Лёшка сам виноват. Катя в пику ему другого нашла. Пусть теперь локти кусает. Хотя, может, он неполноценный? Может, не знает, как с девушками гуляют? Зря они так, мать обиделась. Я, честно говоря, нет.

Котёнок в меня влюбилась из-за того, что спас ее от трех сезонников. Тут же решила, что я для нее идеальный муж, и стала меня готовить к этой роли. Она даже была не против, скорее, наоборот, очень за, постели. Девочка мне нравилась, но заходить слишком далеко в отношениях я пока не готов. Гормоны в крови бушевали со страшной силой, но это не причина портить жизнь ей и себе. Теперь за это меня объявили неполноценным. Обидно, однако. А мама советует:

– Лекарство от любви – другая любовь. Найди себе другую девочку. В кино своди, пусть Катька сама локти кусает.

Обалдеть! Просто шекспировская драма нарисовалась. В прошлой жизни много читал, попаданческие истории в том числе. Обычно всякий попавший в детское тело начинает смотреть на сверстниц свысока и рассуждать, дескать, он не педофил. Мне было за шестьдесят, женщин за сорок – сорок пять я считал молодыми и интересными. Попал в тело пятнадцатилетнего парня – женщины за двадцать стали мне казаться взрослыми, за тридцать – очень взрослыми, за сорок – старыми. Пусть простят мне это мои прежние милые и весёлые сорокалетние девочки, но сейчас я еле могу отвести взор от одноклассниц. Сознания старика и юноши слились воедино. Гормоны еле-еле контролируются разумом.

Вот и сейчас, знаю, разрыв с Котёнком закономерен и правилен, но почему мне так тоскливо и обидно? Пил бы, точно нажрался бы вусмерть, а так… что тут сделаешь?.. перетерплю.

06.12.1972

Утром мама про вчерашнее завела разговор. Провела собеседование на темы «не переживай», «какие твои годы» и «еще лучше себе найдешь». Да я и сам уже подуспокоился. Переспал с этим, а там обдумал ситуацию. Ясен пень, расставание, оно к лучшему. Жаль, логикой редко когда чувства можно успокоить. Отчим тоже в наш разговор вступил. Говорит, тебе в артисты идти надо, поешь так, что за сердце цепляет. Вчера, дескать, ты взял гитару, заиграл,

а песня звучит, как осколком стекла по голым нервам. Не знаю, чего они так. Успокаивают, наверное. Я-то знаю, что хреновато пою, слуха у меня совсем нет.

Пока говорили, с зарядкой я пролетел. Оно не страшно, однако неправильно. Но ведь не будешь же доверительную беседу с родителями из-за того рушить. Они верняк обидятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dront_nikolay/v-tu-zhe-reku-nachalo-puti

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити